

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**ТРИ
БОГИНИ
СУДЬБЫ**

Татьяна Юрьевна Степанова

Три богини судьбы

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298732

Три богини судьбы: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-40821-4

Аннотация

Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД – разочарована: никакой загадки в новом деле нет. Роман Пепеляев расстрелял девять человек в центре города, потому что сошел с ума. Но почему после устроенной бойни на глазах целой толпы он не испытывает никаких эмоций? Ни удовлетворения, ни раскаяния, ни апатии. И настолько равнодушен к своей судьбе, что, даже находясь в психиатрической клинике, продолжает кидаться на людей? Причем агрессию вызывают молодые люди определенной внешности. Катя и полковник Гущин, не верящий ни в бога, ни в черта, явственно видят здесь некую чертовщину. И, похоже, не без веских оснований...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	70
Глава 9	79
Глава 10	92
Глава 11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Татьяна Степанова

Три богини судьбы

*Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про
красную пиявку, а вот страшная смерть и трагедия
в...*

Артур Конан Дойл.

Пенсне в золотой оправе

Глава 1

ДЕВЯТЬ СТУПЕНЕЙ

По первой дороге не уйдешь никуда.

По второй дороге не уйдешь никуда.

По третьей дороге... по этой дороге не уйдешь... не сбежишь... не спасешься...

ВЕРНЕШЬСЯ.

Некуда бежать. Стены – потолок, стены – потолок, стены, стены... И пол, холодный как лед.

Девять ступеней вниз. Только эта дорога открыта. Только эта дорога твоя.

Не сбежишь. Не спасешься.

На смятой постели человек в мокрой от пота футболке поднял пистолет, валявшийся на полу, секунду тупо созер-

цал его, точно видел впервые, а затем сунул дуло в рот и нажал на спусковой крючок.

НЕ СБЕЖИШЬ!!

Выстрела не последовало, хотя патроны в магазине были. Вкус железа во рту, вкус слюны...

Пистолет лежал у кровати, до него легко было дотянуться. Но уйти ВОТ ТАК не получилось. ОНО не желало такого конца. ОНО цепко держало его – он был нужен, он был еще нужен. Он не сделал еще того, что ОНО требовало, ожидало, жаждало в своей бешеной неумолимой ярости.

ОНО появлялось перед ним по ночам и днем, взламывая сухую штукатурку, разбивая кирпич стен, вспарывая старый линолеум, сплющивая в лепешку обувные коробки, привезенные с закрывшегося недавно вещевого рынка. ОНО заполняло собой все пространство, показывая себя в разных обличьях, в разных своих ипостасях, медля и угрожая, добиваясь полной покорности, полного подчинения.

Смятые обувные коробки... разбитый калькулятор... бритва, кредитка, ключи от машины, пистолет...

И посреди всего этого вздыбленные словно землетрясением плиты пола. Нет, разбитое надгробие, камень могильный, который так и не был поставлен – там...

Где поставлен? Кому?

Мраморная статуя... Живая, нет, конечно же, мертвая... не существующая нигде, только, наверное, в его воспаленном мозгу, но такая реальная, осязаемая...

Статуя в виде ангела с поникшими крыльями. Вместо лица, вместо глаз – багровая рана, бурые потеки на мраморном теле, вибрирующем от боли...

Он видел это перед собой – прямо перед собой у кровати. И за окном, и на стенах, и отраженным в зеркале. Оно заставило его встать и приблизиться к зеркалу. А потом схватилось когтистой мраморной лапой за одно из собственных крыльев и с чудовищной силой рвануло его, выворачивая в суставе, с хрустом дробя кости. Мраморное крыло, покрытое чешуей, – оторванное крыло упало к его босым ногам, обрызгав ступни чем-то горячим и липким. И он закричал, видя свое отражение в зеркале – не себя, нет, своего двойника, который, впившись в собственную руку, со звериной яростью выкручивал ее в суставе, пытаясь оторвать, вырвать с корнем... Оторвать, вырвать, сломать, помогая себе ножом и зубами, превратившимися в клыки...

Оно наблюдало за ним с довольной ухмылкой... Оно добивалось полного подчинения, полной власти. А такую власть давала только боль – эта дрящущаясь день за днем, ночь за ночью пытка.

Когда он охрип от крика, когда сердце его готово было разорваться, Оно сжалилось... Нет, просто чуть ослабило хватку. Оно не хотело убивать его – пока, потому что он был нужен. Он еще не исполнил своего предназначения в полной мере.

Шурша чешуей по разбросанным по полу обувным короб-

кам, ОНО ползло к нему, сжавшемуся в комок в узком ущелье между кроватью и зеркалом.

Он, еще не опомнившийся от боли, втянул голову в плечи. Нет... нет, не сейчас, ну пожалуйста, нет, не сейчас...

ОНО накрыло его собой, как ночь накрывает землю, забив рот вонючей чешуей, чтобы он больше не мог ни кричать, ни стонать, стиснуло в кольцах объятий и повлекло за собой.

Девять ступеней...

Всего девять ступеней вниз...

Только эта дорога открыта...

Только эта дорога, и кто-то уже выбрал ее для себя.

Смятая постель, обувные коробки от пола до потолка, зеркало в простенке, мужские кроссовки, кредитка, ключи от машины...

Вот тут у кровати был пистолет.

Теперь его нет.

Девять ступеней вниз...

На полу возле зеркала среди сплюснутых обувных коробок – окровавленное крыло, покрытое змеиной чешуей, в электрическом свете распадающееся на части...

Глава 2

ЖЕРТВЫ

Такого теплого ясного вечера на Старом Арбате не случилось давно. Возле театра имени Вахтангова золотая Турандот купалась в сверкающих на солнце струях фонтана, окруженная толпой горожан и туристов, собравшихся в ожидании театрализованного представления уличных мимов и клоунов. В роли мимов и клоунов выступали студенты театральных вузов – пестрая банда в невероятных париках и костюмах двигалась по Арбату. Рыжий мим дудел в саксофон, его собрат, наряженный сексапильной брюнеткой в корсете и розовой пачке, бил в литавры, позаимствованные в театральном оркестре.

Голуби, испуганные шумом, взметнулись с мостовой, закружили над статуей Турандот, над фонтаном, над крышами, а потом снова чинно уселись на бетонных плитах стройки, вплотную примыкавшей к зданию театра. Возведено было уже три этажа железобетонных конструкций, опутанных арматурой, огороженных хлипким забором. Над всем этим торчал кран, но рабочих в этот час на стройплощадке уже не было. Арбатским голубям, оккупировавшим бетонные проемы, никто не мешал наблюдать с верхотуры за уличным действием.

Туристы и просто прохожие стекались к фонтану, привлеченные звуками музыки. Театральная банда встала на якорь у дверей Дома актера. Саксофонист выкаблучивался как мог, появилась пара гитар, импровизированный ударник. Мимы начали разыгрывать сценки, и зрители, толком ничего не понимавшие в уличном перформансе, встречали их шумом и аплодисментами. Кто-то из туристов фотографировал, кто-то снимал на видео.

– Это гей-парад?

– Что вы, это просто актеры, студенты.

– А чего ж парни с накрашенными губами, в юбках?

– А почему нет? Прикольно же!

– Ой, девчонки, а я вон того блондинчика по телику видела в сериале... Эй, это вы на «СТС» хохмили? Нет? Ну очень похож...

– Отойдите, не видите, я снимаю...

– Понаехали тут! На своем собственном Арбате уж и шагу не ступить...

– Э-э... простите великодушно, это конгресс дураков?

– Какого хрена!

– А зачем они все такие ряженые?

Актеры танцевали. В вечернее небо над фонтаном взметнулись шары. Внезапно голуби, гревшиеся в закатных лучах на бетонных плитах стройки, взмыли вверх. Их кто-то спугнул с насиженного места.

Все внимание собравшихся на маленькой площади перед

фонтаном было поглощено представлением. На стройку никто не смотрел – на шершавые бетонные блоки, зияющие проемы, ощетинившиеся железными штырями.

В ту сторону, щурясь от солнца, бывшего прямо в глаза, глянул мельком только продавец сувениров, скучавший у своей палатки. Уличный перформанс отвлек всех потенциальных покупателей. Майки с надписью «СССР», армейские ушанки с кокардами, вязаные варежки и матрешки, которые обычно шли нарасхват у доверчивых иностранцев, сейчас сиротливо лежали, висели, качались на ветру, невостребованные.

Весь вечерний Арбат смотрел на представление. А торговец сувенирами, ненавидевший артистов, этих сволочей конкурентов, упрямо и тоскливо пялился в противоположную сторону – на фонтан, на забор, облепленный афишами, на витки ржавой арматуры, на испуганных голубей...

Сначала он подумал – ему ЭТО мерещится. ТО, ЧТО ОН УВИДЕЛ в бетонном проеме третьего этажа строящегося здания.

На самом краю бетонной плиты стоял человек. В его руке был пистолет, и он целился сверху прямо в толпу – в студента, наряженного в корсет и розовую балетную пачку.

Бах!

Это был не выстрел. Ударили медные литавры театрального оркестра.

Торговец сувенирами зажмурился. Потом открыл глаза.

И не узрел того, что видел секундой раньше. Бетонная площадка была пуста.

ПОМЕРЕЩИЛОСЬ... Торговец невольно вытер вспотевший лоб. Слава богу, померещилось... И привидится же такое, вот черт... А все жара... Торчишь на улице день-деньской, бабки с приезжих выжимаешь... ушанки армейские, матрешки... вот черт...

Он отвернулся от стройки и потихоньку начал сворачивать свой сувенирный ларек. Театральная банда входила все больше и больше в раж. Студенты отрывались от души, веселились сами и хотели развеселить Арбат. Они не получали денег за этот уличный карнавал, и поэтому желание веселиться и веселить было искренним. Долой скуку! Долой кислые, озабоченные, хмурые, злые морды! Да здравствует саксофон, да здравствует розовая пачка! Губная помада! Старый котелок, стоптанные каблуки, рыжий парик, да здравствует ментик гусарский с оторванным аксельбантом и мятая шляпка, славная шляпка из итальянской соломки!

Женюсь, женюсь, какие могут быть игрушки...

Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети...

Но вы, но вы, мои случайные подружки...

А нам все равно, пусть боимся мы волка и...

I love you Dolly...

Близится эра светлых годо-о-о-в, клич пионера – всегда будь...

ЭТОГО НЕ УВИДЕЛ НИКТО ИЗ СОБРАВШИХСЯ НА

ПЛОЩАДИ У ФОНТАНА. Даже бдительный торговец сувенирами, который посчитал, что ВСЕ ЭТО ему померещилось.

По железному каркасу строительной арматуры, нависавшей над забором, ловко и бесшумно, как акробат, в мгновение ока спустился человек и смешался с толпой. Выбранная им ранее позиция наверху на строительной площадке его не устроила. Цели были слишком далеко. Нужен был близкий, максимально близкий контакт.

Человек широко расставил ноги, упираясь крепко в плиты мостовой. Он что-то сказал сам себе негромко, но в шуме фонтана это слышала только статуя – золотая Турандот – бесстрастная и лукавая.

Она не могла, да и не собиралась никого предупреждать. Она лишь наблюдала сквозь прозрачные струи.

Человек вскинул руку – цели были прямо перед ним.

Такие вечера вспоминаешь потом долго-долго... И жалеешь о них, о чем жалеешь? Да так, просто так...

У полковника милиции Федора Матвеевича Гущина было самое сентиментальное и самое меланхоличное на свете настроение. Первые дни лета, семейство дражайшее – супруга и теща – на югах, в тихой Анапе, где вот уже третий сезон подряд снимают у знакомой хозяйки комнату в получасе ходьбы от моря. Сын – курсант Высшей школы милиции – в мае месяце женился. Обалдуй. Не мог дотерпеть уж, курс последний кончить... Сейчас не до отца, молодожен, ешкин

корень...

А тут старый товарищ из министерства позвонил под конец рабочего дня. И ну соль на раны сыпать, а потом соблазнять адски. Как там настроение, Федя? Как раскрываемость в конце месяца? Как там ваш доблестный областной уголовный розыск? Пашет? Устал пахать? Зашиваетесь вконец – ну-ну... А не хочешь ли под занавес, на излете, перед пенсией, которая уже не за горами, перейти к нам в министерство? Должность солидная, тихая гавань, кабинет окнами на французское посольство, и зарплата как-никак побольше. Есть смысл обсудить предложение?

Встретились обсудить за коньячком под шашлычок на Арбате в грузинском ресторане, что, как горные сакли, громоздился уступами в переулке прямо за новехоньким торговым центром.

Вот так посидеть широко именно в грузинском ресторане ПОСЛЕ «пятидневной войны» – в этом был свой кайф. Федор Матвеевич Гуцин аж плечи расправил и после каждой рюмки вытирал платком лысину. Демонстрируем все... А кому, скажите? Шиш под одеялом... А кому? Сидим все в одной общей ж... извините, подвиньтесь, а тоже еще... Ну а ты что скажешь мне, старый мой министерский кореш?

Министерский только кряхтел, закусывая чахохбили. Эх, да что там, Федя... был союз нерушимый, была страна, и какая страна... А теперь... «Пятидневная война» – дожили, называется... Кавказ подо мною... Живут ведь все там сто-

летиями на одном пяточке среди гор, и вот поди ж ты – режут друг друга, взрывают. Дикость, а культурные вроде люди, цивилизованные, когда-то вообще одним народом считались – великий, могучий, советский... А теперь кланы, родо-племенной строй... Порядок нужен, дисциплина, а где это все? Где?! Слышал, как хриплый очкарик Шевчук поет: «Я умереть за родину готов, но у меня тара-ра-ра семья и дети»... Так-то, друг, не на одном Кавказе все по швам трещит. Вон слышал про майора-то, начальника ОВД? Китель надел, достал пистолет и давай... и давай одиночными прицельно... в супермаркете. Как после такого майора в глаза-то смотреть, как отвечать людям – почему, за что... Никогда ничего подобного, сколько мы с тобой служим, сколько министров пережили, сколько проверок с рук сбыли долой, сколько сил, нервов службе отдали, сколько убийств раскрыли, сукиных детей этих на нары определили – и все получается коту под хвост. Один майор пришел, вынул пушку, перестрелял, и все в тартарары.

НЕ ВСЕ. РАЗБИРАТЬСЯ НАДО.

Федор Матвеевич Гущин аж стукнул по столу кулаком, так что шашлык подпрыгнул и тарелка с лобию в грузинском-то ресторане, где все забрано светлым деревом, где сакли громоздятся по уступам горным, где свисают с потолка связки лука и сладкие чурчхелы, где тихо и стройно поет в динамике хор заздравный «Мравалжамиер».

Надо, Федя, надо. Надо разбираться, только вот поди раз-

берись...

Сам черт не разберется...

Насчет перевода в министерство, в тихую гавань, даже после коньяка под шашлычок Федор Матвеевич Гуцин, несмотря на все хитрые посулы, будировать тему не стал. Обождет... может, позже, когда уж совсем станет тяжело, не-моготу, да и здоровье пока еще позволяет...

Расстались, обсудив все насущное и не очень – от поли-тики до министерских сплетен кто куда назначен и кто чей, расстались умиротворенные.

Такие вечера, господи ты боже мой, не так уж и часто вы-падают в жизни. Редкое удовольствие, наверное, потому и жалеешь потом, вспоминаешь в своем одиночестве в проку-ренном кабинете, где только-только прахом пошло совеща-ние...

Вечер тихий...

Семейство на югах...

Один...

Арбат старый...

Музыка, джаз...

Дамы красивые... Сколько красивых, оказывается, бро-дит... А в машине едешь, ни хрена не замечаешь, все спе-шишь – новое убийство, банк ограбили, башку кому-то снес-ли...

Сколько женщин, однако, бродит вечерами по Арбату, одиноких, симпатичных...

И все куда-то туда семяят каблучками – в сторону фонтана, там музыка...

Полковник Гущин достал из кармана щегольского пиджака сигареты, неторопливо, с достоинством прикурил, ощущая запах дыма, запах вечернего воздуха, аромат кофе, доносящийся из многочисленных арбатских кофеен.

Оглянулся на грузинский ресторан – мир вашему дому, генацвале, и...

ВЫСТРЕЛ!

А следом за ним еще один, а потом еще и еще. И еще.

Позже, когда ВСЕ ЭТО уже стало достоянием уголовного дела, возбужденного по факту КРОВАВОЙ БОЙНИ у фонтана, всему происшедшему нашлось даже слишком много свидетелей и очевидцев.

И все в один голос твердили: ничто не предвещало. Никто и подумать-то не мог. Просто стояли на Арбате у театра, у фонтана, слушали музыку, смотрели на актеров – потешные такие пацаны, ряженые, и вдруг...

Что было сначала, а что потом? Что было первым, а что вторым? Вой саксофона, крик боли, грохот литавр и еще какой-то звук, который в толпе поначалу приняли за хлопок петарды. Но это была не петарда.

Актер в корсете и розовой пачке внезапно дернулся и рухнул навзничь как подкошенный. Из пробитого горла фонтаном ударила кровь.

И только тут все разом оглохшие, онемевшие зрители, вся

эта толпа туристов, актеров, музыкантов, зевак увидела ТО-ГО, КТО СТРЕЛЯЛ.

Он был самой обычной наружности. Среднего роста, коротко стрижен и вроде молод. Он стоял, широко расставив ноги, подняв руку с пистолетом, – стоял прямо в толпе зрителей. От актера в розовой пачке его отделяло каких-нибудь пять шагов.

Но и тогда еще толком никто ничего не понял. Все просто обалдели, замерли. Человек с пистолетом повернулся и выстрелил в голову саксофониста. Потом сделал несколько шагов вперед и выстрелил еще раз – в актера с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, одетого в гусарский ментик.

И только после этого арбатская площадь огласилась криками. Люди подались назад. Кто-то упал в фонтан, кого-то смяли, прижали к забору стройки. Все бросились в разные стороны, толкая друг друга, сбивая с ног.

Человек с пистолетом повернулся как робот, выбирая новые цели. Теперь он стрелял как в тире – пах! Пах! Пах! И каждый выстрел находил свою цель.

Один из прохожих – крепкий мускулистый мужчина лет сорока, не поддавшийся общей панике, подскочил к стрелку сзади и попытался схватить его руку с пистолетом. Но стрелок был силен и проворен: он ударил пистолетом, как кастетом, наотмашь. Мужчина упал на мостовую. Он закрылся руками, уверенный, что следующая пуля будет его. Но стрелок,

подскочив к нему, лишь с силой ударил его ногой по голове. И отвернулся, как будто разом потерял интерес.

Его внимание привлекла другая цель – актер в пестром женском платье, совсем еще молоденький паренек, похожий на румяную девушку. Прогредел выстрел – пуля попала ему в живот. Двое его товарищей-актеров подхватили раненого под руки и потащили прочь, пытаясь скрыться в охваченной ужасом, бегущей толпе.

Стрелок последовал за ними. У него кончились патроны в магазине, и он сноровисто и быстро перезарядил пистолет.

Выстрелом в голову убил одного из актеров, тяжело ранил второго и направился к пареньку в женском платье, стонавшему в луже крови.

Все это происходило уже на опустевшем Арбате, все разбежались, попрятались кто куда – набились в кофейни, в ювелирный магазин, в аптеку – ту самую, старую, знаменитую, что на углу.

Сквозь витрины аптеки люди видели, как стрелок неспешно, как-то даже отрешенно двигался по направлению к своей раненой беспомощной жертве. Словно старался продлить удовольствие...

И тут откуда-то сбоку, со стороны переулка, занятого грузинским рестораном, на него налетел полный лысый мужчина – тоже самый обычный с виду и, кажется, уже в годах.

Выстрел! Пуля ударила о карниз здания – мужчина в броске попытался выбить оружие из рук стрелка. Но это бы-

ло не так-то просто.

Полковник Гуцин ринулся на выстрелы, доносившиеся с площади перед театром. Он грузно бежал, расталкивая толпу, устремлявшуюся ему навстречу, – прочь, прочь, спасайся кто может.

Как он помнил, там, в арбатских особняках, было немало ювелирных магазинов, был и банк. И поначалу он решил, что это ограбление.

А потом увидел всю картину – трупы на мостовой, кровь – у фонтана, брошенную впопыхах кем-то сумку, медные тарелки-литавры, саксофон и... ЕГО, того, кто держал пистолет и медленно шел к скорчившемуся парнишке, обеими руками зажимавшему рану на животе.

Лица людей за витриной аптеки как маски. Это было последнее, ясное, отчетливое, что видел, что помнил полковник Гуцин потом, позже. Стекло, много чертова стекла...

Удар! От удара в челюсть стрелок отлетел в сторону, но пистолета не выронил. Выстрелил уже не целясь. Нет, вовсе не в полковника Гуцина, пытавшегося его задержать. А в раненого актера, лежавшего на мостовой.

Промах! Еще один выстрел! Пуля попала раненому в ногу, и он заорал от боли, забился в судорогах.

«Кто-нибудь, да помогите же ему! Вытащите его отсюда!» – это истошно на весь Арбат закричала какая-то женщина со второго этажа, где помещался итальянский ресторан, может быть, повар или официантка. Но никто не полез

под пули.

Гущин подскочил к стрелку, но получил удар ногой в живот. Тот был молод и силен, и он не желал сдаваться. Снова используя пистолет как кистень, он ударил Гущина по голове. Но промахнулся, попал в плечо.

«Не стреляет в меня... Почему в меня не стреляет?!»

Гущин схватил его за руку, рванул на себя, заломил, применив болевой прием, потом ударил и еще ударил. Но у него было такое ощущение, что все его приемы и удары его противник не ощущает, не чувствует боли.

То, что он очень силен, что он намного сильнее и что он хочет убивать... что он вот-вот вырвется и снова выстрелит, – в этом уже не было никакого сомнения. И тогда Гущин, заревев от ярости как раненый медведь, используя свой немалый вес и свое потерявшее боевую форму немолодое тело, бросил себя на стрелка – как бросали себя на войне на взлет, на амбразуру. Бросил, закрывая собой все и всех, каждую секунду ожидая последнего выстрела – в грудь, в живот.

Но выстрела не последовало, может быть, потому, что у стрелка кончились патроны?

Не удержавшись в броске на ногах, оба они, и стрелок, и Гущин, с размаху влетели прямо в витрину аптеки, высадив ее.

Грохот, звон, осколки, крики людей... Мраморный пол... Гущин, оказавшийся сверху своего противника, ударил его по голове, схватил за волосы.

В глазах стрелка, которые были всего в нескольких сантиметрах от него, он не увидел ничего – никакого выражения, ни страха, ни боли, ни бешенства. Абсолютно пустые глаза...

Он ударил его по руке, выбив пистолет – и тот отлетел к прилавку.

– Ублюдок! Что ж ты наделал, гад!!

Гущин выкрикнул это, задыхаясь, замахиваясь, награждая ЕГО... этого... новым сокрушительным ударом.

Никакого ответа. Пустой взгляд... Что-то неживое, страшное... Уплывающее, ускользающее... Словно тинной, подернутое мутной непроницаемой пленкой.

Глава 3

ЦВЕТ МАРЕНГО

В зал на втором этаже привезли образцы драпировочных тканей и штор, и Старшая Хозяйка сказала:

– Мне нравится цвет маренго, он успокаивает, расслабляет.

– Может быть, все же фиолетовый? – вкрадчиво спросил дизайнер.

– Это цвет смерти.

– Но черный...

– Черный мы и так с сестрами носим слишком часто, почти постоянно.

Дизайнер умолк, понимающе кивая. Он знал историю этого дома – из слухов, из сплетен, из статей в желтой прессе – и поэтому не стал настаивать на своем. Да он и не смел настаивать, даже не пытался – Старшая Хозяйка всегда умела заставить его профессиональный вкус подчиниться ее вкусу богатого заказчика.

– Мне нравится маренго, сестры тоже его одобряют, нам всем будет комфортно работать в таком декоре. – Старшая Хозяйка прошла по залу, прислушалась к звукам в глубине дома, потом выглянула в окно.

Небольшой и тем не менее просторный, очень аккуратный

особняк выходил окнами на Малую Бронную. Он имел маленький внутренний двор, отгороженный от улицы кованой решеткой. Особняк не был новоделом, когда-то давно, в первые годы революции, в нем заседали анархисты, затем в середине тридцатых он был подарен Сталиным старому писателю, вернувшемуся из эмиграции. Во времена «оттепели» старых жильцов сменил известный журналист-международник, женатый на англичанке. А потом, в середине семидесятых, в особняке особым распоряжением Моссовета поселили женщину с детьми, женщину, о которой тогда – в семидесятые – да и потом шушукалась на кухнях вся Москва.

Ее звали Саломея. И портрет ее украшал зал, уставленный диванами и креслами, где ждали своей очереди на сеанс все те, кто попадал в этот тихий особняк по предварительной записи – за месяц, за два месяца, а то и больше.

– Мне тоже нравится цвет маренго, Руфина, – послушно сказал дизайнер. – А ковровое покрытие тогда будет винного цвета?

– Винного? А где образец? Я хочу посмотреть образец.

К Старшей Хозяйке всегда и везде обращались исключительно по имени – Руфина. Таково было правило. По именам «в миру» звали и ее сестер – Среднюю Хозяйку и Младшую Хозяйку. Августа и Ника были их имена. Отчества и фамилия как-то с этими именами не сочетались. А потому правило было непреложным всегда и везде – на сеансе, при обсуждении деловых вопросов и при других обстоятельствах –

только имена: Руфина, Августа и Ника.

Когда-то их мать, Саломею, вся Москва знала тоже только по имени, а все остальное для обывателей было тайной.

– Винный подойдет, но я хочу в узоре ковров что-то азиатское – афганское или тибетское, – Руфина бросила взгляд на статую медного Будды, как будто поставленного на караул возле широкой двустворчатой двери.

Дверь распахнулась, и на пороге показалась Средняя Хозяйка, Августа, – высокая жилистая женщина лет сорока с пышной стрижкой. Она была в мягком струящемся костюме из черного кашемира – дорогим и стильном. На груди ее висел золотой амулет.

– Мы закончили, он уезжает, – сказала она, голос у нее был слегка хриплым, наверное, оттого, что она курила.

Руфина снова подошла к окну. У кованых ворот ее дома стоял бронированный «Майбах», и в него, заботливо поддерживаемый охраной, садился не старый еще, но явно увечный мужчина восточной наружности.

– Вы с Никой подняли ему настроение, – усмехнулась Руфина.

– Он привез готовый к подписи контракт и акции, просил, чтобы мы считали информацию и сказали о перспективах. И потом у него большие проблемы с сыном... Тот судится с бывшей женой из-за детей. Хочет, чтобы они остались в их мусульманской семье, а она требует, чтобы они учились в Англии и жили там...

– Вы подняли ему настроение, – повторила Руфина, провожая взглядом тронувшийся с места «Майбах». – По их вере, кажется, им запрещено обращаться за советами к таким, как мы... Если бы он приехал к нам тогда, до этого злополучного покушения, до взрыва, то... Бегал бы сейчас... бегал бы как молодой, еще бы и гарем новый завел.

В зал неслышной поступью зашла третья, младшая из сестер-хозяек: Ника. Она была самая красивая, но даже человеку, впервые попавшему в этот дом и ничего не знавшему о его обитателях, с первого же взгляда становилось ясно: эта женщина в свои тридцать с небольшим – дитя неполного разума.

Она была темноволосой и кудрявой, и тоже в черном: в маленьком атласном платьице, оголявшем одно плечо. Ноги ее были босые. Она плюхнулась в кресло и начала болтать ими, ничуть не стесняясь дизайнера.

– Такой трудный... он такой трудный для чтения, – щебетала она тоненьким детским голоском. – И во всем сомневается, так сомневается. Хотя так хочет верить, так этого хочет, такой глупый... А ведь он же такой умный, такой богатый и такой глупый, все сомневается, сомневается... Как можно сомневаться, когда я это ему говорю, когда я вижу. И Августа тоже видит. Правда, Августа?

– Правда, ты молодец, девочка.

– Такой трудный, даже голова заболела.

– Тебе нехорошо? – тревожно спросила Руфина.

– Хочу малины.

Ника – тридцатилетнее дитя, нисколько не стесняясь дизайнера, раздвинула стройные свои ножки, продемонстрировав отсутствие белья, и почесала промежность. Встала, потянулась и сказала вроде бы без всякой связи:

– Я видела, что он скоро умрет, но я не стала этого ему говорить. Вы же не разрешаете мне говорить такое.

Она исчезла так же бесшумно, как и появилась. Дизайнер кашлянул.

– Руфина, так мы определились с выбором? Цвет маренго для драпировок, обивки и штор и ковровое покрытие... я понял, что вы хотите.

– Да, дорогой, когда привезете и начнете делать?

– Закажу сегодня же, а привезут, наверное, на следующей неделе, как доставят. Я сразу вам позвоню.

Когда он ушел, Руфина снова машинально пролистала альбом с образцами тканей.

– Он показывал в ноутбуке, как все будет выглядеть, – сказала она сестре.

– Тебе понравилось?

– Да.

– Делай как считаешь нужным, – сказала Средняя Хозяйка – Августа.

– Что еще сказал Багдасаров?

– Ну, он в основном нас слушал... Впрочем, у него деловое предложение. Он хочет, чтобы мы открыли салон, и зна-

ешь где? В ЦУМе. Сейчас, на волне кризиса, это модно, это актуально, вон в Лондоне, в универмаге «Селфридж», что-то такое есть... сеансы гадания, и тут же магазин.

– Мать этого бы не одобрила.

– Мать практически в подполье была большую часть своей жизни, – Августа обвела глазами зал, – а потом тут торчала безвылазно. Багдасаров серьезно предлагает нам подумывать над его предложением о ЦУМе.

– Кто туда поедет?

– С Рублевки поедут.

– С Рублевки и сюда едут, а там ведь надо будет платить за аренду и что-то отдавать универмагу. Зачем нам это?

– Вообще-то да.

– Тут у нас не Лондон, – заметила Руфина.

Она швырнула альбом с образцами тканей на низкий столик, инкрустированный перламутром. Выпрямилась. Они с Августой были похожи, только облик Руфины – сорокавосемилетней, старшей – казался мягче, она сильно была склонна к полноте, хотя и вечно сидела на диетах. И волосы ее светлые были собраны сзади и прихвачены заколкой. А наряд был тоже черным: длинное платье и роскошная накидка от Кензо.

По слухам, по сплетням, по статейкам в желтой прессе, по интервью вся Москва знала, что сестры Руфина, Августа и Ника – сестры-медиумы, знаменитые ясновидящие сестры-Парки вот уже одиннадцать лет одеваются преимуще-

ственно в черное, нося траур по брату, без вести пропавшему, и по матери – великой Саломее, которая не смогла перенести этой страшной утраты.

– Уходишь? – спросила сестру Руфина.

– У меня клиент на три тридцать. Секретарь записала его снова, ну того... ты помнишь...

– Опять этот урод? Еще один урод?

– Несчастное создание.

– А оно может платить, это создание?

– Ты же знаешь, Руфина, что нет. Чем платить с такой пенсии?

– Зачем ты с такими якшаешься?

– Ну, скажем, мне интересно. И потом, это ведь не один урод, а целых два урода...

– Все надо проветривать потом, весь дом, так воняет всегда после!

Августа – Средняя Хозяйка, средняя сестра-Парка – только махнула рукой: а, отстань.

Через пять минут внизу, в холле, раздались голоса – нет, точнее, шум странный и нечленораздельный, то ли мычание, то ли хриплые гортанные выкрики. Руфина вышла на лестницу, но спускаться не стала.

Там внизу, в холле, Августа лично встречала нового клиента, привезенного в дом к сестрам-Паркам пожилой матерью откуда-то то ли из Шатуры, то ли из Орехова-Зуева. Это был грузный парень, распространявший вокруг себя тяже-

лый смрад, но это Августу совершенно не шокировало. С жадным вниманием, с каким-то даже болезненным, алчным любопытством она взирала на это создание – по сути своей являющееся сросшимися сиамскими близнецами: две ноги, две руки, а вот дальше что-то невообразимое – голова, слепленная по прихоти природы, а может, из-за пьяного зачатия из двух человеческих голов, где все смещено, искорежено – нос, три глаза и огромный, похожий на пасть рот.

Создание мычало и жестикулировало, пытаясь что-то сказать. Но и так все было понятно – оно приехало (в который уж раз) к ясновидящий Августе узнать, что уготовила ему судьба. В надежде на грядущее счастье и хорошие перемены.

Глава 4

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

– Ой, как хорошо, что это ты, наконец-то освободилась! Они уже тут, долбят стенку вовсю. Их трое, и все здоровенные мужики, представляешь? А я совсем одна. Я боюсь!

Этими словами, произнесенными тревожным шепотом, Анфиса Берг встретила Катю Петровскую, по мужу Кравченко, на пороге собственной квартиры.

Катя – капитан милиции, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, весь этот погожий июньский день провела, как раб на галерах, на совещании в МВД на Житной. Накануне подружка Анфиса звонила ей и слезно умоляла «прибыть завтра незамедлительно, потому что у меня...».

Нет-нет, сердечные неурядицы – вечные спутники доброй толстой Анфисы – на этот раз были ни при чем. Просто в доме, где жила Анфиса, еще в мае начался капитальный ремонт, и вот к началу июня строители добрались и до ее уютной, всего два года назад отремонтированной квартиры.

– Стояк будут менять, это ли не зверство? – Анфиса буквально затащила малость опешившую Катю в прихожую. А в прихожей-то – батюшки-светы: пол застелен полиэтиленом, и от пыли – не какой-нибудь, а самой настоящей цементной

пыли – не продохнуть. Скрежет противный уши режет, а потом – БУМ-М-М! БАХ!

– Боже, стенку в ванной ломают и в туалете! – Анфиса прислонилась к вешалке. – Я не могу, Катя, я просто не могу больше... Тот ремонт мой, ну ты помнишь... это же катастрофа была, столько денег... Я плитку такую красивенькую подобрала итальянскую, – Анфиса всхлипнула, – все так аккуратненько было... Положили, приклеили и герметиком... А теперь... Катя, там три лба здоровых с кувалдой и слушать ничего не хотят. Все долбят, рушат. Я пускать не хотела, а они – в суд на вас домоуправление подаст, потому что стояки менять во всем доме обязательно, старые, мол... В суд вас вызовем. По судам затаскаем! Имеют они право?

– Подожди, не реви, – Катя прислушалась к грохоту в ванной. – Сейчас разберемся, что они там имеют...

Анфиса рыдала, уткнувшись в вешалку среди пыли и разорения. А Катя... после совещания в министерстве, где столько умных коллег высказало столько умных, весьма умных, но, увы, мало осуществимых на практике идей, которые надо было затем подать в ведомственной прессе поприличнее... Короче говоря, она была усталой и злой как черт. И еще очень голодной. А такой настрой весьма кстати в разборках с коммунальщиками.

– Вы что тут за безобразие творите? – Катя кавалерийским наскоком распахнула дверь ванной и...

Вместо зеркала, вместо белоснежной итальянской рако-

вины, которую Анфиса выбирала долго и тщательно, вместо новехонькой плитки, что она драила мочалкой с моющими средствами каждый день, зиял страшнейший пролом в стене, и оттуда трое дюжих мужиков выкорчевывали что-то ржавое.

– Не отвинтим никак, заржавело. Автоген тут нужен, дешуха, – жизнерадостно сообщил один из коммунальщиков Кате, потерявшей дар речи, видимо принимая ее за хозяйку квартиры. – Щас автогенчиком чикнем и потом новый приварим.

– Да вы же тут все разбили, мама моя, – Катя, как и Анфиса прислонилась... не к вешалке, к двери ванной. – Тут же был новый ремонт, столько всего... А как же потом?! Кто это все будет в порядок приводить?!

Она даже растерялась – разрушения в ванной были слишком масштабными.

– А, ниче, плитку принесем, залепим – и ништяк! Только, конечно, такую не подберем, вон белую кафельную производства незалежной – это пожалуйста. А сейчас автогенчиком поработать придется.

– Ну что там? – шепотом спросила Анфиса, когда Катя вернулась.

– Анфис, ты только не волнуйся. Дело житейское...

– А чего у тебя такое лицо?

– Анфис, они все раскурочили, там вот такая дыра, – потрясенная Катя развела руками на всю длину.

– Ой, а что у тебя такое лицо? Ты только не волнуйся... Я сейчас валокордина тебе накапаю, – Анфиса кинулась на кухню, семена своими короткими толстыми ножками, – Катюша, это у тебя от неожиданности шок. Я-то уж привыкла с этим чертовым ремонтом, притерпелась, а ты...

БУМ! БАХ! Загрохотало в ванной кувалдой по стенам. Прощай, евроремонт, прощай, итальянская плитка!

Потом подружки сидели в комнате, вздрагивая при каждом новом ударе. Катя выпила-таки валокордин. Прислушивалась к шипению автогена, которым резали стояк. А когда с грохотом и скрежетом по новенькому паркету к ванной покатили на ужасной тележке кислородные баллоны для сварки, она не выдержала:

– Да что же это такое происходит?! Какой это, к черту, капитальный ремонт?! Тут же жить невозможно стало. Вода у тебя есть?

Анфиса горестно покачала головой.

– И канализация не работает, – она снова всхлипнула, – с сегодняшнего дня. Сказали, включают вроде на днях. Я соседку с нижнего этажа встретила, а она меня спрашивает – интеллигентная такая дама, она в консерватории преподает: Анфисочка, простите великодушно, но... такая проблема у меня... как ходить в туалет? Может, вы что посоветуете?

– Многие на дачи уезжают, лето ж, – жизнерадостно посоветовал возникший на пороге комнаты коммунальщик. – Хозяюшка, у вас попить чего не найдется, а то от пыли в гор-

ле першит.

Анфиса... добрая Анфиса налила ему, конечно же, чаю... Пей, пролетарий, знаю ведь, не твоя это злая воля – весь этот коммунальный бардак.

– Вот что мы будем делать, – Катя, малость взбодренная валокордином и все еще голодная как волк (есть в этом кошмаре было просто невозможно), скомандовала: – ну-ка давай собирайся. Без разговоров. Сейчас они тут отпилят эту свою трубу, уйдут. Все равно ведь конец рабочего дня. А мы с тобой поедem ко мне. И ты будешь жить у меня. А сюда приезжать – контролировать.

– Но, Кать, как же я квартиру оставлю?

– А как ты будешь без воды и канализации эти дни? Давай собирайся, сейчас я вызову такси, и забудем весь этот капремонт на сегодня как страшный сон.

– Кать, я...

– У меня знаешь какие дома пирожные? – выдвинула Катя последний, самый веский аргумент, – пальчики оближешь. И чай я тебе заварю – этот твой любимый со сливками и карамелью.

Толстушка Анфиса собирала сумки. В ванной пилили столяр – пилите, Шура, или как там вас, пилите! Такси приехало через пять минут. Катя была довольна. Это вам не совещание в министерстве, где скука смертная и надо все равно сидеть, подставив диктофон, строчить в блокноте, записывая умные бесполезные мысли. Это вам – живой процесс, на который

можно влиять своей собственной волей.

– А я не помешаю? – Анфиса уже не сопротивлялась, просто беспокоилась из деликатности. – Твой муж... Вадик, он все еще не...

– Он за границей вместе со своим работодателем. – Катя пока не хотела касаться этой весьма больной для себя темы – отношений с «Драгоценным В.А.», как именовался муж ее, Вадим Андреевич Кравченко, на домашнем жаргоне.

– А вы, значит, еще с ним не...

– Ты успеешь сделать свой ремонт, – заверила ее Катя.

Добрая Анфиса только вздохнула. Потом они сидели в прихожей. Ждали, когда отвалят садисты-коммунальщики. И те ушли как ни в чем не бывало, потому что день рабочий кончился, оставив после себя пролом в стене, тучи пыли, битую плитку, пустые краны и лишенный воды унитаз.

Анфиса закрыла дверь разоренной квартиры. Погладила дерматин – не скучай, милый...

Катя, торжествуя, что все проблемы так легко удалось решить по крайней мере на сегодня, погрузила подругу в такси и уже хотела садиться сама, как вдруг у нее зазвонил мобильный.

– Капитан Петровская?

– Да, я.

– Это дежурный по Главку. Вы еще на совещании?

– Нет, что-то случилось?

– Просили вас вызвать.

– Что произошло?

– В Москве серьезное происшествие. Неизвестный открыл стрельбу по прохожим на улице. При его задержании, как нам докладывают, пострадал Гущин Федор Матвеевич... Товарищ полковник наш пострадал...

– Еду! – Катя сунула Анфисе ключи от квартиры. – Адрес знаешь, устраивайся. Я скоро буду, а если задержусь, то...

Она махнула таксисту и, только когда он уже отъехал, сообразила, что они могли подвезти ее туда, куда ее так спешно вызывали, – на работу, на Никитский, 3.

Глава 5

«КАК РАСТАЯЛ...»

Смеркалось. Во внутреннем дворике особняка на газон, на маленькие клумбы ложились густые синие тени. Пока Августа занималась своим клиентом, старшая сестра Руфина и младшая сестра Ника сидели в шезлонгах во внутреннем дворе. Ника уплетала спелую малину, розовый сок тек по ее подбородку, но она словно и не замечала.

Но вот сеанс предсказаний, видимо, закончился. Горничная промелькнула в окнах первого этажа, включая кондиционеры на полную мощность.

– Увезли уродов, – Руфина вздохнула. – Наконец-то. Не поймешь, он один или их двое.

– У него внутри все чешется, – буркнула Ника с набитым ртом.

– Что?

– Чешется, горит. Я вижу... читаю... У него в мыслях только это одно сейчас.

– Этого еще не хватало.

– Трахаться хочет. Был маленький – стал большой. Он вырос, и его мать... Я знаю, что Августа им скажет и что его мать сделает, – младшая сестра-Парка Ника – тридцатилетнее дитя облизнула губы розовым язычком. – Я знаю, что

предложит Августа, она всегда это им предлагает.

Руфина резко встала, отпихнула шезлонг ногой. И пошла в дом.

– Вера, откройте окна везде, – приказала она горничной – приходящей поденно, тихой как мышь, мелькающей по дому как призрак. – Здесь кондиционер бесполезен, впустите воздуха, свежего воздуха.

Потом она пошла к Августе и не нашла ее в спальне. Августа была внизу, стояла в зале возле портрета матери – великой Саломеи.

– Я знаю, чего ты хочешь, – резко, даже излишне резко сказала Руфина. – Но я больше этого не позволю. Где угодно, только не здесь. Сюда больше этот сросшийся ублюдок не приедет. И если ты хочешь его, то...

– Отчего ты так жестока? – спросила Августа. – Это же люди... несчастные, искалеченные судьбой. Надо быть милосердной, надо уметь сострадать.

– И ты еще заикаешься о сострадании? Обернись.

– Что?

– Обернись. Ты видишь ее? – Руфина указала на портрет. – Это наша мать.

Августа послушно обернулась и долго, очень долго смотрела на портрет. Великая Саломея на нем была изображена молодой – в полный рост у зеркала в серебряной венецианской раме. На ней было черное платье до полу, в руках хрустальный шар, с которым она не расставалась; его помнили

все, кто приходил, приезжал к ней, кто приглашал ее к себе – читать, рассказывать, видеть, обещать, предостерегать, предупредить.

Краски на портрете были яркими, чувствовался этакий советский «кич» восьмидесятых. Некоторым, впервые попавшим в особняк на Малой Бронной, мерещилось, что это портрет кисти Глазунова или Шилова. Но это было не так. Портрет великой Саломеи рисовал совершенно другой художник. Саломея выбрала его сама, и только потому, что увидела и предсказала его раннюю безвременную кончину – смерть от несчастного случая, трагическую и нелепую, на железнодорожном полустанке. «Он уже никого не нарисует после меня, и это хорошо», – сказала она. И ее старшая дочь Руфина – очень молодая еще тогда – запомнила эти слова на всю жизнь.

Портрет был нарисован на пике славы и популярности ее матери в определенных кругах. О Саломее говорили, нет, в основном судачили по тогдашнему советскому обычаю на кухнях, что она «как Ванга», сравнивали ее с Джуной. Но она не была ни Вангой, ни Джуной. Она была другая.

«Ядовитая божественная Саломка эпохи заката развитого социализма в СССР» – так совсем не по-деловому писал о ней американский «Таймс» в 1977-м. Все воспоминания старшей, Руфины, начинались именно с этого времени, когда их с матерью перевезли и поселили в этом доме на Малой Бронной. Откуда перевезли? Руфина этого не помнила,

нет, помнила, конечно, но постаралась забыть. Зачем ворошить прошлое? Мать, великая Саломея, волей судьбы большую часть жизни прожила втайне, инкогнито, хотя здесь, в особняке, и тогда и после побывало много, очень много известных людей.

Несколько раз ее возили в Кремль – еще тогда, в семидесятые, потом и в ЦКБ. Нет, она никогда не была целительницей и никого не лечила, как Джуна. Ее вызывали совсем по другим вопросам. Да-да, совсем по другим...

Когда Москву посетил Рейган... она встречалась с ним. К ней часто приезжали люди из ЦК. Особенно после катастрофы на Чернобыльской АЭС. Тогда сеансы были особенно долгими – мать запиралась с посетителями на несколько часов. Руфина помнила это. Тогда никто не знал, что делать, – не знали на самом верху, все боялись. Все очень боялись. Паника и растерянность, почти паралич, коллапс, а по радио и по телевизору – сплошное вранье. Саломею просили о консультации – просили так настойчиво, как не просили никогда прежде: «прочитать», увидеть, проконсультировать, предостеречь, сделать прогноз... Будет ли эффективен «саркофаг», что делать с городами, пораженными радиацией, какие грядут последствия. И главное – будут ли народные волнения, бунты в пораженной зоне, стоит ли держать в боевой готовности войска.

Хрустальный шар... Этот нежный, прозрачный кристалл... Руфина помнила его, в те дни он всегда был в руках

матери, она не выпускала его, точно он был живой...

А потом... потом было еще много всего. И слава матери только росла, росла. Прием во французском посольстве и две великие ясновидящие – мать и Мария Дюваль. Тот милый мальчик, которому она предсказала олимпийское «золото» в фигурном катании, если он будет много тренироваться... Факсы, факсы, бесчисленные факсы, что ей слали в дни заседания Верховного Совета... И потом из администрации Ельцина... Тогда тоже никто ни черта не знал – как что будет и чем все закончится... Большой кровью, малой кровью... Саломею заставляли смотреть, «читать», видеть, консультировать, предупреждать. Она составляла личный гороскоп Самому. И многим, которые тоже ни черта не знали, но хотели так много от жизни. И она составляла гороскопы и читала, не щадя ничьих амбиций, предрекая то удачу, то крах. И за это ее стали потихоньку... Нет, все было по-прежнему, слава, шепоток за спиной, негласная охрана, дипломаты, иностранные журналисты, стремящиеся получить интервью «постсоветского феномена».

А потом пришла БЕДА. И Саломея – великая, божественная, ядовитая Саломка эпохи заката развитого социализма, внештатная сивилла краха, пифия реформ и всего, всего, всего, всего... не справилась с этой БЕДОЙ.

– Мать умерла, – сказала Августа, отводя взгляд от портрета на стене.

Если приглядеться повнимательней, на камине под порт-

ретом в простой черной траурной рамке стояла маленькая фотография. На ней был изображен юноша лет двадцати шести. Черный пиджак, белая рубашка, овальное лицо с немного тяжелой нижней челюстью, красивые серые глаза, широкие брови и светлые волосы – длинные, хиппово распущенные по плечам...

В дверь позвонили.

– Кто-то еще по записи? – спросила Руфина.

– Та супружеская пара. Ну ты помнишь... О них звонили... Надо встретить их как подобает. – Августа направилась в зал.

Через пять минут горничная провела туда мужчину и женщину лет пятидесяти. Он в дорогом костюме, она – вся с ног до головы в «Луи Вюитон», но сгорбленная как старуха, с серым заплаканным лицом.

В зал пришла Ника. Уселась первой в кресло у окна, повернув его так, чтобы лицо ее не было видно посетителям.

– Здравствуйте, это наша младшая... Очень сильный медиум, она поможет нам, – сказала Руфина. – Вы что же, прямо с самолета?

– Я смог вырваться только на один день, – мужчина в дорогом костюме кашлянул, усаживая жену на диван напротив сестер-Парок. – Большое спасибо, что согласились принять нас.

– Наш долг помогать людям. В этом назначение нашего дара, – скромно сказала Августа. – В общих чертах мы уже

в курсе вашей проблемы. Вы привезли фотографию или вещи... что-то такое, что было его, с ним...

– Я хочу узнать только одно – он жив или нет, – женщина прижала к груди сумку «Луи Вюитон». – Мой сын... Ему же всего девятнадцать!

– Вещи, пожалуйста, или фотографию дайте, – настойчиво повторила Августа.

– Вот, вот, много фотографий. Он так любил фотографироваться. Это вот когда он был во Франции. А это когда они... когда мы отдыхали на Канарах...

– Достаточно одной, но где только он, – Августа забрала фото и передала его Нике.

Та взгляделась в снимок. Положила его на колени – нет, на голые ляжки, обнажившиеся бесстыдно. Она не поправила свое черное платье-коротышку, она вообще не придавала значения таким вещам. Потом она накрыла лицо изображенного на снимке рукой и откинула голову на спинку кресла. Как будто задремала.

– В общих чертах мы знаем, но расскажите снова – очень сжато, – сказала Руфина.

– Ну что рассказывать, я откомандирован в Узбекистан нашей корпорацией, там большие инвестиционные проекты в энергетику, – мужчина снова кашлянул. – Жена была со мной, а сын учился в Москве на втором курсе в университете имени Губкина. Он и приехал-то к нам туда всего на несколько дней. А потом они с другом собирались лететь в

Эмираты. Прямо из Ташкента.

– Ему было девятнадцать лет?

– Да, второй курс. В то утро все было как обычно. Он встал...

– Подожди, ты не знаешь, тебя не было, ты находился в офисе. Я была с ним, я, – лихорадочно перебила его супруга. – Он встал, и мы завтракали. Вечером нас пригласили... Ну это неважно, президентские скачки... это неважно... Сын... он был все время со мной. Понимаете – совершенно незнакомый ему, чужой город. Ташкент, вы знаете, что сейчас такое Ташкент? Мы жили в квартале... ну, в правительственном квартале, резиденция корпорации... Там охрана и все такое прочее... Это же теперь заграница, и потом, это Азия... Он никого не знал там, в этом городе, – я точно это знаю, он прилетел к нам всего двое суток назад. И вот когда мы сидели с ним на веранде в саду, ему вдруг кто-то позвонил по мобильному. Я и внимания не обратила, думала, что это кто-то из Москвы. Он встал, поцеловал меня и сказал: «Мама, я сейчас, на пару минут». И вышел. И я ничего не почувствовала, не встревожилась, вы понимаете? А потом я спросила у охранника, потому что сына все не было, и охранник сказал, что он вышел за ворота резиденции и пошел по улице – в чем был, в джинсах, в майке. На нем даже кроссовок не было, просто такие кожаные шлепки, испанские...

– И с тех пор вы его больше не видели? – спросила Авгу-

ста.

– Он пропал. Наш сын... господи, что мы только не делаем, где только не искали, кого только не подключали – там, в Узбекистане, и здесь, – мужчина говорил сдержанно, но давалось это ему тяжело. – Я все что мог... полиция, частные детективы... Обращался к тамошнему духовенству... В правительство, в администрацию... Наш сын... Никаких вестей, ноль. Вот уже целый год мы не знаем ничего о нем.

– Помогите нам, умоляю, на вас вся наша надежда, последняя надежда, – женщина уже плакала. – Я не знаю, я схожу с ума... Если он умер, погиб, убит... Скажите мне это, и я... Другие матери, потерявшие сыновей, могут хотя бы прийти на могилу и поплакать там, а я... я даже этого не могу. КАК РАСТАЯЛ... вы понимаете меня?!

– Ника, – тихо окликнула сестру Руфина.

Нет ответа.

– Ника, что?

Молчание. Супруги повернули головы в сторону младшей сестры-Парки, но лица ее им не было видно.

– Она не находит контакта, – сказала Руфина.

– Но вы должны нам помочь! – У женщины, видимо, уже начиналась истерика. – Вы должны меня понять как никто другой. Я говорю – мой сын как растаял! Ничего за целый год... Вы... я же знаю, мне говорили, у вас самих было то же самое – у вас, в вашей семье. Мы с мужем навели справки, прежде чем обратиться, прилететь сюда к вам. Несколько лет

назад ваш брат... господи, мне говорили, мне называли его имя, но я забыла... Ваш брат – молодой, совсем еще юноша, он ведь тоже пропал, без вести пропал. КАК РАСТАЯЛ...

– Его звали Тимофей. – Руфина помолчала секунду. – Да, вы правы, ваши источники информации не солгали вам. Наш брат пропал без вести одиннадцать лет назад, и с тех пор мы носим траур, оплакивая, безмерно оплакивая эту утрату.

– Извините, мы не хотели... простите мою жену, она не соображает, что говорит. И не было никаких источников информации, поверьте, – мужчина сжал руку жены. – Милая, так нельзя, вот так, как ты делаешь, – так нельзя!

– Но они должны понять нас, наше горе...

– Не иметь контакта – это не значит плохо, – сказала Августа. – Наша сестра связалась с НИМИ и... контакта не последовало. Может быть, это означает, что среди НИХ вашего сына нет.

– Я не понимаю... с кем это с НИМИ? – спросил мужчина.

– С мертвыми. Видите, она не отвечает нам, она там сейчас, среди них, ищет, но не находит. Ника?

Нет ответа. Внезапно младшая сестра-Парка пошевелилась в кресле. Сестры следили за ней напряженно. Мужчина хотел что-то снова спросить, но они обе лишь подняли руки, призывая к молчанию.

В зале наступила гнетущая тишина.

Руки Ники безвольно свесились вниз, фотография соскользнула с колен. Казалось, она уже не дремлет, а глубоко

спит в своем кресле. Но это было не так. На ее пухлых измазанных малиной губах в пузырьках слюны трепетало какое-то слово.

Руфина встала, подошла к креслу и нагнулась, ловя его.

– Со-о-о-мма... Она говорит «сомма». – Руфина повернулась к супругам: – Это слово подсказали ОНИ. Вам это что-то говорит?

Женщина лишь заморгала испуганно, непонимающе, а вот ее муж... Он резко поднялся с дивана.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он. И в его голосе, до этого встревоженном, зазвучали нотки металла. – Как это понимать? Вы что, издеваетесь?

– Это слово вам знакомо, – заметила Августа.

– Я неплохо знаю Восток, и я... так еще в старину на Востоке в древних текстах обозначался наркотик... опий, сомма... Вы что же это, хотите сказать, что мой сын, что наш мальчик был законченный наркоман?!

– А разве вы с женой этого не знали? Это открытие для вас?

– Вы что себе позволяете?! Пойдем отсюда, они... Я говорил тебе, к таким, как они, нет смысла обращаться, это все обман, ложь и вымогательство денег. – мужчина потянул свою супругу с дивана. – Как вы смели... Да вы знаете, кто я?.. Какую должность я занимаю... и вы посмели открыто назвать моего сына, моего единственного сына наркоманом? Отбросом?!

– Среди мертвых сестра его не нашла, – Августа обращалась не к нему, а к матери, потерявшей сына. – В этом надежда для вас. Ищите его в общинах... они порой живут такими общинами... и вне вашего уклада... Везде, где легко достать наркотики, где они дешевы... Если есть возможность и если есть желание – ищите. Если сможете принять его таким, каким он стал, точнее, каким он был уже с пятнадцати лет.

Глава 6

«ОБ ЭТОМ НАДО ПИСАТЬ, ТОЛЬКО ВОТ ЧТО?»

Нужно время, чтобы осмыслить некоторые происшествия, только вот никто точно не может сказать – сколько этого самого времени потребуется, чтобы действительно понять, ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ.

Катя приоткрыла дверь кабинета Федора Матвеевича Гущина. Вроде бы все как и прежде, как и месяц, как неделю назад. С того срочного вызова вечером в Главк, когда она всучила растерянной Анфисе ключи от своей квартиры, прошла неделя.

В кабинете Гущина только что закончилась оперативка, и было сильно накурено, холодом веяло от включенного на полную мощь кондиционера. Гушин, отвернувшись от двери к окну, разговаривал с кем-то по телефону. Катя прислушалась – с женой старик наш беседует. В розыске говорят – жена его сейчас где-то на море отдыхает, и он ей так и не сказал о том, в какую переделку попал неделю назад.

О мужчины! Не устаю удивляться вам никогда.

К счастью, в тот вечер все обошлось. Порезы от стекла – этим будет памятно для полковника Гущина то громкое задержание на Старом Арбате. Порезы от стекла... Звонок от

дежурного по Главку перепугал Катю не на шутку, и она мчалась в Главк, готовясь к самому худшему. Но все обошлось. Полковник Гуцин провел в одиночку, наверное, самое трудное в своей жизни задержание вооруженного преступника и остался жив. Только поранился о стекла витрины аптеки там, на Арбате.

Катя прикрыла дверь кабинета, пусть поговорит, может, после жениных слов малость душой оттаает? А то его после такого задержания просто задергали – Петровка, прокуратура, информационные каналы, радио, телевидение. Ну с последними-то в основном пресс-служба Главка имела дело, в том числе и она, Катя. Что-то молили языком, отбояривались – в основном то, что делом о расстреле на Старом Арбате занимаются столичная прокуратура и МУР. И поэтому все вопросы, господа, пожалуйста, туда, в эти уважаемые организации, они вам все прокомментируют лучшим образом. Но средства массовой информации жаждали комментария непосредственного очевидца и участника событий, человека, который задержал ЕГО – того, кто стрелял.

Они оба – и ОН, и Гуцин – были в первых строчках информационных выпусков недели, на первых полосах газет. И если с полковником Гуциным все относительно ясно, то с тем, другим, было ничего не ясно.

Только имя, одно только имя...

– Екатерина, входи, чего там под дверью скучаешь?

Катя вошла. Несмотря на холод от кондиционера, после

беседы с супругой полковник Гушин взмок, вытирал платком ярко блестящую лысину.

– Чутье у вас, скажу, как у акул, – хмыкнул он.

– У кого это у «вас», Федор Матвеевич?

– Да у женщин, у кого ж еще. Вон моя клуша в Анапе сидит, загорает, а твердит об одном: «Что у тебя там, Федя? Я же чувствую, что-то с тобой стряслось».

– Федор Матвеевич, она Первый канал смотрела, передавали.

– Ох, черт, точно... С тещей они там, та и на море-то не ходит, торчит день-деньской у телевизора как приклеенная... Говоришь, и по Первому передавали?

– По всем каналам всю неделю. Это дело среди главных новостей.

– Садись, что стоишь-то? – Гушин указал на стул. – Знаю, зачем пришла.

– Правильно, – Катя кивнула, – вы у нас сейчас главный герой. И я такой материал упустить не могу. «Криминальный вестник» мне каждый день звонит, просят, чтобы я сделала с вами интервью по результатам задержания.

– В гробу я видал их интервью.

– Я понимаю, Федор Матвеевич. Но и вы меня поймите. Во-первых, такое задержание, такой материал не каждый день, а я профессионал, меня для этого тут в Главке держат. А во-вторых...

– Ну что во-вторых?

– Я искренне и глубоко восхищаюсь вашим мужеством. Вы людей спасли, своей жизнью рисковали. Я хочу об этом написать, я должна.

– Ох, лиса-лиса, – Гущин снова вытер лысину платком. Откинулся на спинку кожаного начальственного кресла. По его лицу Катя поняла, что выбрала самый верный подход к полковнику. – Кого я там спас... Четыре трупа, пятеро в больнице в тяжелейшем состоянии.

БОЙНЯ... Так об этом происшествии на Арбате говорили по телевизору. Четверо убитых, пятеро раненых – всего девять жертв.

– Если бы не вы, пострадавших было бы намного больше, – сказала Катя. – ОН... этот... ОН же продолжал стрелять, пока вы его не остановили, рискуя собой.

– Давай повременим с интервью, а? Честное слово, не могу... нехорошо это сейчас, не к месту... Не понятно пока ничего с этим ублюдком – то ли безумный он, то ли наркоман, то ли черт его знает кто. Я когда выстрелы там услышал, подумал – магазин ювелирный грабят. Пока добежал туда... Видишь, брюхо какое нажрал, – Гущин хлопнул себя по животу, по пиджаку. – Годков бы пятнадцать скинуть, разве я бы так туда бежал? А он за эти секунды девять человек положил... Четыре трупа... Из пятерых раненых неизвестно еще кто выживет. И все молодежь, я же видел их потом, когда «Скорые» приехали... Все молодые... Простить себе не могу, что опоздал настолько. А ты интервью, какое, к лешему,

мне сейчас интервью?!

Катя молчала. Да, настаивать на своем бесполезно.

– Вы ЕГО на допросах в прокуратуре видели? – спросила она после долгой паузы.

– Один раз. Очную ставку нам следователь проводил. Сидит в наручниках, рядом двое из МУРа, следователь и я... Сказал я, что это он, тот самый. Тот самый, мол, который... Знаешь, столько я лет работаю, столько уже в розыске уголовном, а чудна мне порой, бредом кажется эта наша следственно-процессуальная бюрократия. Все вроде так и надо, все вроде в рамках кодекса, пока тебя самого не коснулось.

– Федор Матвеевич, а ОН что сказал на очной?

– Он молчит.

– Молчит?

– Ага, молчит. А чего так удивляешься? Самая верная беспроигрышная тактика пока для него молчанка. Все они молчат. Слышала, наверное, с чем это арбатское дело сейчас сравнивают напрямую?

Катя кивнула. О сравнениях она слышала и по телевизору, и не только. Коллеги Гущина в уголовном розыске и прокурорские вспоминали другой «расстрел» – в супермаркете, ставший настоящим шоком, от которого Москва еще не успела опомниться. Дело бывшего начальника ОВД «Царицыно», тридцатидвухлетнего майора милиции, открывшего стрельбу из пистолета по людям.

– Вирус, что ли, это такой сейчас в воздухе летает? – Гу-

щин покачал головой. – Такая злоба... животная злоба... И вроде ведь самый обычный, каких тысячи... Не судимый, проверили его вон сразу в МУРе по всем учетам. Не замечен, не привлекался... Вполне добропорядочный... Торговец какой-то, вроде обувью импортной торговал.

Катя поняла: Гущин говорит не о майоре из супермаркета, а о СВОЕМ противнике.

– Я знаю только его имя и фамилию, – сказала она. – Роман Пепеляев. Но мы должны разобраться в этом деле, хотя бы потому, что вы принимали в его задержании непосредственное участие. Федор Матвеевич, разве вам самому не хочется в этом во всем разобраться? Пусть это и не наше дело по подследственности, пусть московское, но неужели вы сами не хотите понять причину, по которой этот человек убил и ранил столько людей? В этом надо разбираться. Об этом надо писать.

– Тебе бы лишь писать в газеты свои.

– Об этом нужно писать, – повторила Катя. – Только вот что? Неужели вам самому, столько лет проработавшему в розыске, не хочется все досконально и точно узнать?

– Досконально... Ты его глаза не видела там. Когда он целился... И потом, в той аптеке... Ладно, тебя, видно, не переспоришь, вся пресс-служба наша тебя всегда как стеной подпирает. В четыре часа подходи сюда в розыск, если свободна будешь от писанины своей, могу взять тебя с собой туда.

– Куда? – Катя не верила своим ушам. В прокуратуру, а может, в Матросскую Тишину, где содержат арбатского убийцу?

– МУР обыск проводит в доме, где, по их данным, он обретался в последние месяцы. По месту прописки-то глухо все, не появлялся даже. Так вот установили они за неделю этот новый адресок. Ну и я хочу подъехать туда, своим глазом глянуть, как там и что в этом его логове.

Глава 7

ЛОГОВО

Ровно в четыре, чтобы не передумали и, не дай бог, не уехали без нее, Катя спустилась во внутренний двор Главка, где обычно стояла служебная машина полковника Гущина. Он и его шофер курили во дворе.

Катя села сзади, открыла сумку, украдкой проверила: диктофон при ней, фотокамера тоже. В ходе обысков, конечно, категорически запрещено снимать и записывать, но бывают же исключения? Дело арбатского убийцы ведет Москва, и, наверное, это единственный раз, когда она, областной сотрудник, может оказаться рядом с какой-то важной и «многое объясняющей» информацией. А поэтому только на свою память – пусть и профессиональную – полагаться не стоит.

Так казалось Кате тогда. **ОНА И ПРЕДСТАВИТЬ НЕ МОГЛА, ЧТО ЖДЕТ ИХ ВСЕХ, КАКИЕ СОБЫТИЯ СТОЯТ НА ПОРОГЕ.**

Сели и поехали, Катя приготовилась ехать долго. Гущин ведь сказал – «логово». Логово убийцы... а это всегда где-то далеко, на отшибе – гараж, бункер, гнилой сарай, превратившийся в руины цех старой фабрики, бойлерная где-то там... на улице Вязов...

Выехали из Никитского переулка на Тверскую, на Пуш-

кинской свернули на Страстной бульвар, потом на Петровку, въехали в Малый Каретный и остановились под стеной, окружающей столичную милицейскую цитадель.

– Коллегу захватим, – пояснил Гушин, набрал номер сотового. – Ну ты где? Я тебя жду.

Из проходной появился очень низенький и очень толстый мужчина – ровесник Гушина в черном костюме с портфелем. Тесный ворот сорочки душил его. Пухлые щеки румянились, как яблоки наливные. Эта совсем не героическая внешность принадлежала человеку, которого Катя моментально узнала, потому что видела его много раз на совещаниях в министерстве и, не столь часто, там же, на брифингах. Начальник отдела убийств МУРа полковник Елистратов.

– Наши уже там, и лаборатория ЭКУ тоже, наверное, на месте, а я тебя, Федя, жду, как договорились, – Елистратов полез в машину, отдуваясь, как морж. – Ох и жара сегодня... что ж дальше-то будет. А я гляжу, ты не один, с эскортом дамским.

– Здравствуйте, я капитан милиции Петровская, – Катя представилась скромнехонько. Полковник Елистратов, так же как и Гушин, были знаковыми фигурами розыска, старыми товарищами и старыми соперниками. Москва и область...

– Леш, быстро вы с адресом-то этим, – одобрительно буркнул Гушин. – Повезло, признайся честно?

– То есть как это повезло? Работали, время даром не те-

ряли, – хмыкнул Елистратов и скомандовал: – Тут налево и вниз, к Старой площади. В течение суток фамилию установили при полном отсутствии данных и контакта с его стороны. Прописку пробили, он с Твери сам, только вот уже восемь лет там не живет, в Москве обретается.

Катя поняла, что говорят об арбатском убийце.

– Роман Григорьевич Пепеляев, тридцати двух лет, уроженец Твери, закончил там среднюю школу и два курса экономического факультета Тверского университета, потом был отчислен за прогулы, – полковник Елистратов полез в портфель. – В Твери у него квартира, после смерти матери досталась, но он там не живет. В Москву, сволочь, перебрался – людей тут у нас как зайцев стрелять...

– Как данные-то установили, он же молчит вглухую? – спросил Гущин.

– Работаем, стараемся, – Елистратов покосился на притихшую Катю. – Паспорта при нем, когда ты его там, в аптеке, в пол впечатал, естественно, никакого не было и прав водительских. В кармане только визитку нашли, фирменного обувного магазина. Через этот магазин и вышли на его персональные данные. Сразу мои сотрудники туда поехали с его фотографией, ну и опознали в нем некоего Романа Пепеляева – оптового поставщика.

– Бизнесмен, что ли, он?

– Оптовик. Так, мелочь... В одном месте закупал – обувь, кожгалантерею, потом по магазинам пристраивал. Как это

сейчас у них называется-то... баер, что ли... типа челнока, но малость посолиднее.

Катя слушала, боясь пропустить хоть слово. Они стояли в плотной пробке на Лубянской площади. И она не следила за дорогой.

– Не судимый, ранее ни в чем таком никогда, как говорится... Тридцать два года – другие женятся в это время, детишек заводят, а он... – полковник Елистратов достал из портфеля маленький ноутбук. – Вот он какой у нас...

Катя смотрела на монитор. Съемка была сделана в кабинете во время допроса. Но голос был слышен только один – голос следователя. Тот, кому он задавал вопросы, сидел, сторбившись на стуле, безвольно опустив скованные наручниками руки.

Роман Пепеляев... Красивая фамилия у НЕГО, звучная. Катя не могла оторвать взгляда от человека в наручниках. Самый обычный, молодой. Лицо только вот у него какое... Глаза ввалились, скулы выступают. И никакого выражения на этом лице... словно губкой стерли...

Тот майор, стрелявший в супермаркете, потом, ПОСЛЕ ВСЕГО, хотя бы реагировал, от камер закрывался, когда его в суд вели по коридору, пусть молчал, но хоть как-то реагировал, а этот такой... И бесстрастностью, невозмутимостью ЭТО не назовешь, это что-то иное.

– Тяжело на него смотреть, правда? – Елистратов обращался к Кате. – Чувствуется что-то... чертовня... Я уж

сколько в розыске, всяких перевидел на своем веку, а тоже что-то того... глаза хочется отвести, не знаю, как это и называть... чертовня, одним словом.

– Кажется, он ненормальный, – сказала Катя.

– Федор Матвеевич, как по-твоему? Шизик он?

Гущин, повернувшись с переднего сиденья, глянул на экран ноутбука – мельком, будто нехотя. И ничего не ответил.

– Приехали, тут направо, в Никитники.

– Здесь знак, въезд только с Варварки, товарищ полковник, – возразил Елистратову шофер.

– Давай проезжай, вон за церквушкой машины стоят и автобус ЭКУ.

Катя вышла. Надо же, Никитники – крохотный переулочек-тупичок. Самый центр Москвы, до Ильинки, до Красной площади, до Кремля рукой подать. И от Главка, что в Никитском переулке, можно спокойно дойти пешком, прогуляться. Там вот Политех, бульвар, а здесь известная на всю Москву церковь семнадцатого века со знаменитым иконостасом. И где-то здесь, в этом милом, залитом солнцем переулке-тупичке, ЕГО ЛОГОВО?

К ним уже спешил сотрудник в форме капитана:

– Алексей Филиппович, – обратился он к Елистратову, – здравия желаю, товарищ полковник, – поздоровался с Гущиным, – мы представителя их фирмы сюда вызвали, аренда помещения на них записана, хотя фактически арендовал он,

Пепеляев. Только вот ключи...

– У меня ключи, – Елистратов снова, как фокусник, полез в портфель и достал связку ключей, упакованную в пластиковый мешок для вещдоков. – Вот единственное, что при нем в тот вечер на Арбате было, кроме пистолета и запасных обоев. Да ты сам, Федор Матвеевич, знаешь, первый же его там обыскал.

Связка ключей на кожаном ремешке и ключница на «молнии». Катя вгляделась – самая обычная вещица, логотип какой-то... «Furla» – фирменная ключница, недешевая, Пепеляев – торговец обувью и кожгалантереей – мог себе такую позволить.

ИТАК, ЗНАЧИТ, ОН – ТОРГОВЕЦ ОБУВЬЮ. ОБЫЧНЫЙ ТОРГОВЕЦ ОБУВЬЮ И НИЧЕГО БОЛЬШЕ?

– В Твери кто-нибудь у него из родственников есть? Знакомых? – спросил Гущин.

– Трюродный брат есть, они давно не общались, мать умерла несколько лет назад. Соседей опросили, потом кое-кого из его бывших однокашников нашли. Наши туда сразу махнули, в Тверь-то. Так вот все про него только хорошее одно – Рома Пепеляев... Но общались с ним кто пять лет назад, кто два года назад, – Елистратов щурился, – но все лишь одно хорошее, добрые слова... И соседи тоже. Вежливый, мол... Думали, сразу сдаст квартиру, потому как сам-то в Москве постоянно, а он не торопился, мол, все, какие были, предложения не устраивали его – то приезжие с Кав-

каза, то семейство с ребенком маленьким, то платить не могут столько, сколько просит. Разборчивый, выгоды искал... Разве так сумасшедшие себя ведут?

– А почему его из института исключили, вы говорили, – спросила Катя.

– За прогулы, сессию не сдал. Его бывшие однокашники вспоминают – он уже тогда чем-то приторговывал, бизнес свой небольшой начинал. Трудно было совмещать. Только давно это было. Он и в Москве тогда еще не жил. Вон дом-то. Весь первый этаж – это их аренда под склад.

– Может быть, кто-то там в Твери знал его лучше, чем бывшие одноклассники и соседи? – Кате не терпелось все выяснить. – Возможно, девушка была?

– Мы что, по-вашему, работать со свидетелями не умеем?

– Простите, я просто спросила.

– Федор Матвеевич, а это что, сотрудница твоя? – Елистратов повернулся к Гушину. – А то, знаешь, дело все же наше целиком, посторонние нежелательны.

«Сейчас скажет, что я из Пресс-центра, – подумала Катя, – и погонит МУР меня взашей».

– Брось, не ерепенься, – Гушин подтолкнул московского коллегу вперед. – Я сам хотел спросить – связи-то хоть были какие у него по жизни?

– Конечно, мы поинтересовались этим в первую очередь. Были связи – и в институте, и так. Не комплексовал он по этой части и успехом у противоположного пола пользовался.

Только опять же это данные по прошлой тверской его жизни, с которой он вроде как в расчете был полным. А про московские его дела и связи и спросить не у кого. Разве вот у того, кто нас у дверей встречает? Менеджера фирмы их торговой?

Менеджера поначалу Катя и не заметила, столько народа толпилось возле дома, столько машин милицейских. Едва они подъехали, Никитники тут же перегородили лентой: проезд транспорта временно закрыт. Дом располагался в самом конце переулка. Желтое трехэтажное строение, узким клином прилепившееся к серому гранитному массиву административных зданий, фасадом выходящих на Славянскую площадь.

Дом был старый и явно нуждался в капитальном ремонте. На двух верхних этажах окна были кое-где забиты картоном, лепнина карниза осыпалась, краска стен облупилась и облезла. Дом выглядел бы совершенно запущенным, если бы не первый этаж, весьма резко контрастировавший с общим архитектурным упадком.

– Здание вроде памятник какой-то исторический, – сказал Елистратов. – Бумаги на него есть в Москомнаследии и в Москомимуществе, вроде горело оно несколько лет назад, потом подрядчик появился, хотели реставрировать. Потом лопнуло все в связи с кризисом. Кое-как отделали первый этаж, он от пожара сильнее всего пострадал, и сдали помещение под склад. Здравствуйте, спасибо, что приехали, скажите, а здесь дорогая аренда? – этот вопрос он задал уже ме-

неджеру, которого Катя «не заметила», – парню лет двадцати пяти в деловом костюме при очках.

– Мы сами думали, что дорого будет, это же самый центр, – голос у менеджера уже был взволнованный, хотя пока его ни о чем «таким» еще не спрашивали. – Наша фирменная оптовая сеть, мы... Ну, больших проблем у нас нет, но время такое, сами понимаете, экономить приходится на всем. Но это помещение очень удобно расположено – как склад это просто идеально, мы экономим на перевозках, мы работаем с торговыми сетями в ГУМе, ЦУМе, на Тверской. Можно просто погрузить товар в багажник и в салон обычной легковой машины. ОН так и делал...

– Значит, выгодная аренда была и недорогая? – уточнил Елистратов.

– Да, мы и сами удивились, но все дело в том, что дом фактически в аварийном состоянии, здесь никто не живет, тут когда-то давно был пожар, и с тех пор здание переходило из рук в руки. А для склада это идеально. Когда ОН нашел это помещение и позвонил нам, мы сразу же согласились арендовать.

– Значит, это помещение нашел сам гражданин Пепеляев? Под склад?

Они все уже стояли у дверей. Вся оперативная группа с Петровки, полковник Гушин, Катя, понятые, все ждали, когда Елистратов откроет изъятыми ключами склад и даст старт обыску. Но Елистратов, казалось, не замечал всеобщее-

го нетерпения.

Первый этаж действительно был отремонтирован. Это сразу бросалось в глаза. Дверь дома... Когда-то это было обычное московское парадное, теперь же деревянные створки заменили на крепкую железную дверь. На окнах – точнее, это были витрины – имелись внутренние металлические жалюзи. Они были опущены, так что с улицы невозможно ничего рассмотреть.

– На магазин похоже, до склада вашего здесь, что, магазин был? – Елистратов держал в руках ключи.

– Да, что-то вроде, но он сгорел, и потом помещение пустовало, – ответил менеджер. – Мы сделали кое-какой ремонт за свой счет – дверь, жалюзи, сами понимаете, это необходимо в целях безопасности, ну от воров хоть какая-то защита. Мы ведь сэкономили на стороже. ОН... Пепеляев фактически сам выполнял обязанности по охране товара, он ведь жил здесь.

– Ага, это уже интересно, – улыбнулся полковник Елистратов и отомкнул замок входной двери. – Зафиксируйте в протоколе, дверь не заперта, только захлопнута, замок автоматический. Приступайте к осмотру и обыску. Федор Матвеевич, заходи, давай вместе все тут оглядим.

Катя вошла внутрь одной из последних. Тихонько включила в сумке диктофон, пусть пишет. Камеру тут сейчас, кажется, не достать, слишком уж заметно будет. Эксперты вон и так на фото, на видео снимают.

Как здесь душно... никогда, наверное, никто не проветривал... Чем-то пахнет... Катя едва не вылетела вон. В спертом воздухе висела тяжелая смердящая вонь.

Один из экспертов быстро прошел куда-то в глубь сумрачного помещения.

– Так и есть, товарищ полковник, так я и думал.

– С уборной, что ли, проблема? – спросил Елистратов.

– Тут за перегородкой раковина и биотуалет. В нерабочем состоянии – то ли свет вырубился во время процесса переработки, то ли заело... Отсюда и запах такой.

– Дверь откройте настежь, работать здесь невозможно!

Струя свежего воздуха, впущенная с улицы, рассеяла смрад, и сразу стало легче. Катя пересилила себя: раз приехала смотреть «логово», нечего в обморок падать – гляди!

Но ничего такого она сначала не увидела. Голый потолок, голые стены, кое-как выкрашенные чем-то серым. Кое-где на потолке еще заметны пятна копоти и сажи. Очень много контейнеров и коробок с обувью. Часть из них стоит аккуратными пирамидами вдоль стены напротив двери. Часть просто хаотично навалена в углу. Яркие обувные коробки, обувь разная: и дорогая – итальянская, французская, и дешевая китайская.

– С Черкизона небось привезли и свалили тут, – буркнул полковник Гуцин. – Это ж надо, столько добра...

Среди этого складского хаоса мебель как-то терялась. Катя увидела шкаф у стены. Сыщики его открыли – он тоже

сверху донизу был набит коробками. Еще была пара деревянных стульев и что-то типа тахты или дивана. Грязная обивка, скомканный плед, подушка с яркой, но сильно засаленной наволочкой. Все это было сбито, вздыблено.

– Тут, значит, он ночевал, – Гушин обернулся к менеджеру. – Сколько же он здесь прожил?

– Три месяца без малого. ОН сам нашел для нас это помещение, мы ему даже бонус за это выплатили. Пока шел ремонт, он жил на съемной, точнее, комнату снимал где-то в Чертанове. А потом переехал сюда. Сказал, что тут удобнее, в самом Центре, оборудовал тут себе жилое помещение.

– Не больно оно жилое. Биотуалет вон и тот вырубился.

– Здесь у него что-то вроде кухни, – объявил эксперт из-за перегородки.

Катя прошла мимо обувных коробок, мимо дивана, мимо шкафа. Деревянная перегородка отделяла от основного пространства небольшой закуток. С внешней стороны перегородки на вешалках висела мужская одежда, тут же стояла пара чемоданов. За перегородкой – стол, еще два стула, электрическая плитка, посуда, сковородки – кажется, все из ИКЕА, относительно новое, но уже запущенное, плохо мытое. Из маленького холодильника эксперты извлекли заплесневелый хлеб, масло, колбасу, копченую рыбу, сметану, овощи – все испорченное, сгнившее.

– Не ел он, что ли, совсем? – Елистратов брезгливо понюхал продукты. – Чтоб в холодильнике все так испортилось...

Сколько же это времени лежало? У нас он неделю после задержания всего, а тут срок продуктам истек месяц назад.

На закопченной сажеей, некрашеной кирпичной стене висело узкое пыльное зеркало. Катя прошла мимо – в нем отражалась вся эта затхлая комната, весь этот хлам.

Обувные коробки... Как много коробок...

– На раме пятна, и тут на стене тоже что-то есть... Ну-ка свет сюда дайте, – эксперты занялись кирпичной кладкой.

– Возле тахты, на полу, у стены, тоже что-то... пятна, похожие на кровь...

Катя отошла к окну-витрине. Один из оперативников поднял стальные жалюзи, впуская в помещение склада свет. Много света...

– Экспресс-анализ подтверждает – кровь.

– Товарищ полковник, взгляните сюда!

В потоках света, льющемся сквозь окна-витрины, тяжелый смрад снова словно сгустился. Катя ощущала тошноту. Ей хотелось выбраться отсюда прочь. Зря она поехала тешить свое пустое любопытство.

– Тут на стене что-то кровью нарисовано непонятное.

В потоках солнечного света были видны лишь пятна копоти и еще что-то – на стене, на кирпичной кладке на уровне среднего человеческого роста – темный зигзаг... Бурая размашистая линия с резкими изгибами... не понять, не разобрать.

– Сфотографируйте, скопируйте, возьмите пробы на ана-

лиз ДНК.

Катя, совершенно сбитая с толку, подошла к полковнику Гущину, тот очень мрачно и чрезвычайно пристально вглядывался в обстановку жилища Романа Пепеляева.

– Федор Матвеевич, почему здесь повсюду следы крови? Может, он тут кого-то убил до того, как отправился на улицу с пистолетом?

Гущин, не отвечая Кате, посмотрел на Елистратова. И по тому, как многозначительно они переглянулись, Катя поняла: они оба чего-то недоговаривают.

Глава 8

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

– А все же хорошо без них. Тихо, спокойно, – Анфиса, развалившись на диване, положила ноги на пуф из ротанга. – Несуточно, правда?

Катя, вернувшись домой, застала подругу на кухне – Анфиса постепенно обживала пространство, переиначивая все – от плиты до холодильника – на собственный лад.

– Как дела на коммунальном фронте? – спросила Катя.

– Сегодня срезали батареи, – Анфиса гремела кастрюльками. – Потолок пробили, паркет взломали, обещали новые приваривать со вторника по четверг. К отопительному сезону, сказали, сделаем, хозяйка. Я там с ними в квартире весь день проторчала, потом только заскочила в один журнал, несколько снимков им продала.

Анфиса профессионально занималась фотографией и этим зарабатывала себе на жизнь.

– А потом в супермаркет заехала за продуктами... И вот сижу, тебя жду с ужином.

После ужина на диване перед телевизором и родилась та сакраментальная фраза о том, что «все же без НИХ хорошо».

– А долго ли еще Вадик твой будет за границей? – спроси-

ла Анфиса после паузы, потому что Катя эту тему про НИХ не поддержала. – И чего там столько времени торчать?

– Его работодатель лечится, со здоровьем у него плохо.

– Да черт с ним, с этим работодателем, – Анфиса фыркнула. – Мало, что ли, на свете работодателей? Этот умрет, другой найдется... Ладно, вы мне только смотрите – никаких разводов.

– О разводе пока речь не идет.

– Ну если не идет, то и горевать нечего. Отдохнешь малость от своего «Драгоценного». Па-а-а-думаешь какой, – Анфиса сделала ногами, задранными вверх, несколько «фитнесовских» движений. – Хорошо без них, без мужиков – тихо, мирно. Хочу – в пижаме целый день, хочу – ем, хочу – сплю... Хочу – снова жир наращиваю. Хочу – зарядочку для бодрости – раз, два, раз, два, горе не беда. – она накинулась на Катю и начала ее тормошить: – Плюнь, все образуется... И нечего быть такой сосредоточенной на этом вопросе. Я вот тоже заикливалась, ну ты помнишь мою историю – свяжешься с женатиком, не развяжешься вовек. А сейчас в себя пришла. Одной тоже неплохо. Неплохо ведь одной, – Анфиса неожиданно всхлипнула. – А, все, ерунда, давай плюнем и не будем сосредотачиваться на этом вопросе.

– Да я, собственно, не об этом сейчас думаю, – сказала Катя.

– То есть как не об этом? А я всегда только об этом – о нем, о своем, черт бы его взял... А о ком ты думаешь?

– Помнишь, меня срочно вызвали на работу? – спросила Катя и рассказала подруге.

– Стрельба на Арбате... Да об этом всю неделю только и говорят, только и пишут, – Анфиса подпрыгнула на диванных подушках. – Ничего себе... И это ваш дядька полковник того подонка задержал? Ничего себе... Ну, ну, продолжай...

Катя продолжила, рассказ получился недлинный.

– А это у тебя что в руках? – спросила Анфиса. – Я еще на кухне заметила, ты что-то в пальцах крутишь – бусина?

Катя передала предмет подруге. Это был темный плотный шарик, вязкий, липкий на ощупь.

– Это я там нашла, на полу возле окна, – сказала она. – Смотрю, что-то лежит, не пойму, что это такое.

Анфиса колупнула шарик ногтем, понюхала – он издавал слабый терпкий аромат.

– Кажется, это какое-то восточное благовоние, шарик для курильницы, судя по всему, то ли смола ароматическая, то ли еще какое-то снадобье. – Она снова понюхала. – Я такие в магазине «Путь к себе» видела, их в курильницы закладывают и кадят. Зачем ты его оттуда взяла – из этого чертова логова?

Странно, Анфиса употребила то же самое слово о ЕГО жилище, как и полковник Гушин. Точно они сговорились...

– Там склад обуви, – ответила Катя. – Этот человек... Роман Пепеляев, он был оптовый поставщик. Конечно, грязно там у него, и запах ужасный, там с туалетом что-то... Но, в

общем-то, обычный склад, приспособленный под временное жилье. Знаешь, сейчас в Москве многие приезжие так живут, квартиру дорого снимать, вот и пользуются какими-то служебными, рабочими помещениями, так и менеджер их фирмы нам пояснил.

– Никитники от Кремля в двух шагах, выбрал себе место для своей норы, гад. Я по телевизору слышала – девять человек он там, на Арбате, прикончил.

– Четверо были убиты на месте, и еще пятерых он тяжело ранил.

– Девять человек! Как и тот, ваш... ну не ваш, конечно, а тот майор, милиционер из Царицына. У того тоже, кажется, девять жертв. И как же скоро весь этот ужас снова повторился. Тогда ночью в магазине, а в этот раз на Арбате, на Старом Арбате, где я тысячу раз... где мы с тобой, Кать, миллион раз ходили, гуляли, где всегда столько народа! Тогда все ролик про майора показывали – стоит посреди зала торгового в супермаркете в форме и спокойно так, неторопливо обойму перезаряжает... А этого Пепеляева не снял никто, как он там, на Арбате, перезаряжал?

– Там свидетелей много, насколько я знаю, их сейчас всех по обстоятельствам происшествия допрашивают. Наш Гущин Федор Матвеевич, он случайно там оказался поблизости, он его и обезвредил. И теперь он тоже свидетель.

– Я не понимаю, прости, может, у меня мозги по-другому устроены, но я отказываюсь понимать, – Анфиса горячи-

лась, – жил себе поживал парень. . . До тридцати двух лет дожил, зла никому никакого, и вдруг берет пушку, обоймы и идет убивать людей. Причем никто из тех, по ком он стреляет, никогда прежде с ним не то что знаком не был, не то что что-то ему дурное сделал, даже и не слышал ведь, не подзревал о его существовании. В чем причина, я тебя спрашиваю? Ты вот – сотрудник милиции, юрист, журналист, криминальный обозреватель – кого мне еще спрашивать, кроме тебя? Ответь, в чем причина?

– Я пока не знаю, мне хочется понять, но я не уверена в успехе.

– А тебя ведь не только я, но и другие спросят – и про майора из супермаркета, и про этого Пепеляева – торговца обувью. Он что, псих?

– Нет, пока данных таких нет, ему назначена психиатрическая экспертиза.

– Майору тоже экспертизу назначали и, кажется, вменяемым его признали, если я не путаю. . . Значит, не псих? Тогда почему стрелял по людям? Чуть ли не в день своего рождения после банкета. . . Пепеляев часом тоже не в тот ли самый день на охоту вышел, когда родился?

– Нет, он родился в марте, это сейчас установлено.

– Значит, он по знаку Рыбы, так это слабенький знак, водный, контролируемый, ведомый, – Анфиса прикусила губы. – С Рыбами-мужиками связываться себе дороже. . . Маменькины сынки, хлюпики. . . Это вон Скорпионы ин-

ферральные личности, из них маньяк-убийца вполне может сформироваться, а из Рыб... А что про него, про этого Пепеляева, свидетели говорят, знакомые? Что он за человек?

– Понимаешь, мало о нем пока известно. У нас все сведения о времени, когда он жил в Твери, и там только положительные характеристики. А тут в Москве вроде как и не было у него близких, друзей, знакомых. Лишь коллеги по фирме. Менеджер его, кстати, опять же положительно характеризует. – Катя вспомнила, что там, на месте, во время обыска рассказывал представитель обувной фирмы. – Он работал с ними около четырех лет, закупал товар. Менеджер говорит – опытный, энергичный сотрудник, всегда можно было на него в деловом плане положиться. Внешне выглядел всегда очень аккуратно, даже щеголевато, что, кстати, странно, если вспомнить, в какой грязи он жил там, на этом складе. Но это тоже было временно, по словам менеджера – он жил там всего три месяца. Сам нашел это помещение с арендой и предложил фирме, предложил также побыть там в роли сторожа-охранника на этом складе.

– Сейчас таких охранников полно, – кивнула Анфиса, – но в людей-то они на улице ни с того ни с сего не стреляют!

– И у менеджера об этом Пепеляеве скудная информация – общались они только по работе. К тому же менеджер месяц был в отпуске, так что они в последние недели с Пепеляевым не встречались.

– Может, личные проблемы были у этого урода? – пред-

положила Анфиса. – Вон у майора, как в газетах пишут, жена-красотка – тыр-пыр... Гипертрофированный комплекс неполноценности. Знаешь, сейчас все подобные случаи именно так в прессе и подают – пришел мужик с ружьем в супермаркет где-нибудь в Алабаме или школьник с пистолетом в колледж, опять же в Штатах, грохнул человек десять ни с того ни с сего, и во всем его гипертрофированный комплекс неполноценности виноват. Я, мол, такой, а вы все такие – и я вам, гадам, за все мщу. За что мщу? Вот этот Пепеляев – он же приезжий, так, я правильно поняла? Может, здесь в столице у него что-то не складывалось? Может, и менеджер этот вам врет с перепугу? Они его уволить хотели, или в долгах он у них увяз, ну и обозлился на всех. Нет, нелогично... Тогда бы шел в фирму и палил бы там. А то явился на Арбат, где молодежь гуляет, там ведь что-то вроде театрализованного карнавала в тот вечер было, я по телику слышала...

– Возможно, причина в комплексе неполноценности, а может, он вдруг внезапно с ума сошел... Нет, не знаю, а гадать не хочу. – Катя снова взяла в руки липкий ароматический шарик. – Они что-то темнят, Анфиса. Начальник «убойного» с Петровки, и Гушин тоже... Знаешь, у меня такое чувство, что наш Федор Матвеевич, хоть и задержал его там в одиночку, а... нет, не побаивается все это вспоминать, а как будто отодвигает это от себя сейчас, словно не хочет анализировать и разбираться.

– Но об этом же преступно умалчивать! Надо причины вскрывать, – всплеснула руками Анфиса. – Это же как язва, как зараза – один взял пистолет, второй взял пистолет. Начальник столичного отдела милиции – в это только вдуматься надо! И этот второй – мирный торгаш... Я, может, его балетки покупала, и вдруг он взял и убил четверых ни с того ни с сего, а пятерых ранил. Можно, конечно, награждать орденами тех, кто таких вот убийц задерживает, собой рискуя. Можно этого вашего полковника Гущина наградить. Но всем этим наградам без точного, ясного ответа, почему это произошло, в чем причина и как этого в будущем избежать, грош цена. И не одна я так говорю. Это многие сейчас говорят. И кто, как не вы – милиция, нам на все эти вопросы ответит. Ну хотя бы на один конкретный вопрос: почему этот Пепеляев убил столько человек на Арбате?

– Анфиса, что я могу? Я вот тоже Гущина убеждала, а приехала туда, на этот склад, и как-то сразу растерялась. Понимаешь, он – этот человек, убийца, молчит. Они всегда молчат, может быть, это такая форма защиты у них, я не знаю... Но без его показаний ответить на вопрос, почему убил, какой был мотив, нельзя. Можно только предполагать, гадать, версии строить. Но все равно это не будет полной правдой. Правду знает лишь он – убийца.

– Ты его видела?

– Только на видео, оперативная съемка в ходе допроса.

– Так необходимо посмотреть на него вживую. – Анфиса

потянулась к журнальному столику, достала пухлый конверт со снимками. – Я фотограф, Катя, и я знаю: человек в жизни и человек на пленке – это две большие разницы. Как часто мы стараемся ухватить самую суть характера, и как редко это у нас получается. Смотришь в объектив на того, кого снимаешь, и все про него вроде понимаешь, а когда делаешь снимок и проверяешь, что вышло, на пленке сплошная лажа, ненатурально. А в таких делах все должно быть натуральным, первичным.

Катя кивнула. Умница-путаница Анфиса, кажется, подавала дельную мысль. Катя подумала: нет, пока Пепеляев содержится в камере Матросской Тишины, поглядеть на него вживую вряд ли удастся. А вот если его переведут в Центр судебной психиатрии, тогда что-то можно будет предпринять.

Глава 9

ГАСТРОНОМ № 1

В этот день звезды вроде бы не предвещали ничего экстраординарного, и тем не менее кое-что произошло.

Стеклянный купол, под ним залитое солнцем пространство огромного магазина, полосатые тенты над зеркальными витринами, в них все отражено – бодрая суета, группы японских туристов, внимающие экскурсоводам, и две женщины в черном, неторопливо, с достоинством шествующие к гостеприимно распахнутым дубовым дверям.

Две женщины среднего возраста, хорошо одетые, холерные, с одинаковыми мягкими сумками «Соня Рикель».

Сестры Руфина и Августа специально приехали в ГУМ в гастроном № 1, они любили этот магазин с момента его открытия.

– Знаешь, я все думаю над тем предложением. Помнишь, я говорила насчет салона, – Августа смотрела по сторонам, – ты с ходу отвергла, а ведь все же дельная мысль. Только здесь было бы лучше, удобнее. Много народа, приезжих, здесь аура другая.

– Гастроном оживил тут все, как-то сразу все задвигалось, зашевелилось, – Руфина усмехнулась. – А то было как в музее: бутики, витрины... Нет.

– Что нет? – спросила Августа с легким раздражением.

– Нет, идея с салоном нам не подходит. Да и никто в ГУ-Ме этого нам не разрешит. Слушай, я сразу в кондитерский отдел. А ты посмотри там... выбери какого-нибудь хороше-го вина.

Августа послушно кивнула. Сестры вошли в гастроном и разделились. Руфина направилась прямо к витринам с тор-тами и пирожными – в самый конец линии. Да, ей нравил-ся этот магазин. Идея была совсем неплоха, и ведь кому-то пришла она в голову. Возможно, кто-то бывал в Лондоне и видел тамошний универмаг «Харродс» – там тоже имелся га-строномический отдел. Но здесь, в шаге от Красной площа-ди, под бой курантов, все получилось как-то по-своему, по-чти по-домашнему, на давно уже забытый, отринутый лад.

Аромат ванили...

Витрина с пирожными – песочные корзиночки с жир-ным кремом: «розочка», «грибочки», пирожное «ленин-градское», пирожное-«картошка»...

Что-то сладкое, почти приторное и безумно нежное, как материнский поцелуй...

Руфина застыла перед витриной. Со стороны могло пока-заться, что вот – женщина на пороге пятидесятилетнего ру-бежа стоит в центре гастронома и выбирает, выбирает, что повкуснее. Звезды не сулили сегодня даже воспоминаний детства, но вот не чаешь, где найдешь – воспоминания на-хлынули вместе с запахом ванили.

Песочные корзиночки: «розочки», «грибочки» на блюде кузнецовского фарфора. Мать купила кузнецовский сервиз «по случаю» в антикварном. Когда переехали в Москву и начали обживать дом – особняк на Малой Бронной, надо было обзаводиться всем – приличной посудой, хрусталем. Денег тогда у матери уже на все это хватало, даже вдоволь было чеков для магазина «Березка», заменявших валюту. Странно, но магазин с таким названием, где продают модную обувь и разные там фишки, теперь в двух шагах от их дома на Малой Бронной. Но та, старая советская «Березка» была почище всех этих новых навороченных бутиков. Или ей сейчас так только кажется?

Прошлое, как, оказывается, просто его вспомнить, почувствовать каждой клеткой, оно никуда не ушло, не делось. И хотя сейчас в настоящем – обеспеченный быт, приглашенный дизайнер-декоратор, французские шторы цвета маренго и «Мерседес», который так ловко водит сестра Августа, прошлое... оно все равно кажется почти волшебной страной. Там... где-то там...

Песочные корзиночки-пирожные на блюде кузнецовского фарфора, кофе по-турецки, батарея бутылок на низком журнальном столике – джин, виски, мартини, мать с крашеными волосами цвета воронова крыла, с аккуратной укладкой... Салон мать посещала на Кузнецком мосту, и эта была какая-то особая парикмахерская, куда ездили актрисы МХАТа и жены дипломатов. Мать в голубом платье джерси. А на-

против нее – два британских журналиста, кажется, с Би-би-си, и очень известный, модный тогда советский поэт, женившийся на итальянке, – она тоже тут, сидит в кресле, курит в углу. Мать только что предсказывала ей судьбу тэт-а-тэт за закрытыми дверями. Кажется, предсказала развод, но перед ним несколько вполне счастливых лет с «русским». Какой это год? 1978-й или 1979-й? Какой тогда была она, Руфина? Нет, не вспомнить сейчас... В памяти всплывает другое: мальчик, спускающийся по лестнице, – лет восьми, светловолосый, очень живой, смысленый и миловидный, в джинсовом комбинезоне. Вот он уже на последней ступеньке, а вот перед зеркалом. Теперь на месте зеркала там, в зале, большой портрет матери...

Мальчик долго смотрит на свое отражение, потом плетется в гостиную, где мать, великая Саломея, с гостями, с клиентами.

– Руфина, забери брата! Руфочка, где ты, долго тебя звать? Сокровище мое, я занята сейчас, мама занята, я приду к тебе позже, и мы вместе почитаем на ночь, а сейчас, пожалуйста, не мешай. Руфина, забери же Тима, займи его, поиграйте вместе!

Руфина слышит этот голос из прошлого – как ясно он звучит, даже эхо летит тут, в этих залах, заново отделанных, таких «советских» залах гастронома № 1. Брат Тим, Тимофей, он был младше ее, как и бедная сестра Ника, гениальная в своем паранормальном даре победоносная дурочка Ника.

В каком же году это было? Корзиночки-«розочки», торт «Птичье молоко» – за ним тогда стояли километровые очереди в кулинарию ресторана «Прага». Сейчас этот торт можно купить везде, но вкус у него другой. И лишь здесь, в гастрономе, вкус тот же... почти тот же... Почему? Только они одни помнят настоящий рецепт?

Брат Тимофей всегда любил пирожные, обжирался сладким, как...

– Мне, пожалуйста, разных пирожных, ассорти, – Руфина наконец-то сделала выбор, обратив ясный взор свой на продавщицу в крахмальной наколке. – Вот таких три, таких два, ореховый рулет...

– Один рулет?

– Нет, три... потом вот это творожное, и этих, с кремом...

Ага, вспомнила, это было незадолго перед приездом к ним в дом цыгана. В Москве знали его под кличкой Бриллиантовый мальчик. О нем потом столько всего писали, столько плели... И про дочь генсека, и про его поступление в Большой театр... «Бриллиантовый мальчик» приехал в тот вечер к их матери Саломее. И она спросила его: «Отчего ты пришел ко мне? Ступай к своей цыганской гадалке». Но он хотел слышать ее слова, и она ему что-то сказала, опять же за закрытыми дверями, с глазу на глаз. Что-то такое, что ему совсем не понравилось, что привело его в ярость, и он ударил ее – великую Саломею. Поговаривали, что часто по пьяной лавочке он поколачивал и дочь генсека, которая была

как кошка в него влюблена.

Такой мать свою Руфина видела впервые. Саломею всю трясло. У нее была ссадина на переносице, но она ее словно не замечала. «Бриллиантовый» давно смылся, а она все сжимала кулаки. А потом закрылась у себя в комнате и не выходила до середины следующего дня. А когда вышла, то они все – дети – были напуганы... На руках матери появились бинты, и кровь проступала на белой марле. И потом она сразу пошла в ванную отмывать те предметы, которыми часто пользовалась во время своих сеансов, – серебряную чашу и блюдо, произведение дагестанских серебряных дел мастеров из аула Кубачи.

– Мама, помочь?

– Закрой дверь!

Мать обернулась и резко рванула дверь ванной на себя, но она, Руфина, тогда еще очень юная, успела заметить, что вода на дне ванны цвета мясных помоев.

С ним, с этим цыганом, потом произошло несчастье. Правда, не так скоро, через несколько лет. С другим человеком несчастье произошло быстрее.

– А есть у вас яблочный мармелад? Ну тот самый, помните, что резали такими большими ломтями? – Руфина улыбнулась продавщице и получила в ответ улыбку.

А ВОТ ЭТОТ СЛУЧАЙ, когда мать снова была вне себя, произошел гораздо позже. Это было уже при Андропове. Как-то сразу все стало в их доме иначе, непривычно. Ино-

странцев как ветром сдуло. И не приезжали больше толстые тетki с перманентной завивкой в бархатных пальто, отделанных ламой, все как одна в одинаковых финских сапогах – «цековские жены». Они боялись засветиться в церкви и крестили своих детей и внуков тайком, «из-под полы» где-нибудь в глухих сельских приходах в дальнем Подмоскowie или вообще в глубинке, чтобы ненароком не донесли, не написали в ЦК. А вот к ясновидящей Саломее ходить не боялись, потому что она была «разрешена» и «принята» на самом вер-ху.

Но при Андропове это как-то все разом оборвалось. Больше того – однажды в их доме появились двое в серых костюмах, похожих на униформу: «Велено кончать всю эту вашу самодеятельность».

– Кем велено?

– Догадайтесь с трех попыток. Вам все понятно? Велено кончать. Иначе двадцать четыре часа на сборы и вон из Москвы. Мы вас предупредили.

Мать после их ухода сидела в зале. Там с ней был только Тимофей. Она уже тогда особо выделяла его. Потом она ушла к себе и снова надолго заперлась. Среди ночи их разбудил ее страшный вопль. Но они не спустились вниз, сидели по своим комнатам в темноте, тревожно прислушиваясь, зная, что нельзя беспокоить ее там, в ее полуночном затворничестве, и нельзя зажигать света – нигде, во всем доме. Иначе – беда.

Мать вышла на следующее утро, и на руках ее снова были бинты. Пятна крови пестрели на ковре, их потом отмыли с порошком. Две любимые материнские канарейки (их клетка была в комнате) сдохли, не пережив той ночи. Тимофей закопал их трупы во внутреннем дворе.

А через пару дней по Москве пополз слух, что Андропов помещен в ЦКБ, что-то очень серьезное с почками. Из больницы, как известно, больше он не вернулся.

ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО ВСПОМИНАТЬ?

КТО ЗНАЕТ – ЗАЧЕМ...

Дубовые панели, сияющие витрины, жирный крем, приторный, как поцелуй...

Августа тем временем ходила вдоль винных стеллажей, выбирая вино и коньяк. В этом отделе больше всего было иностранцев и вообще мужчин. Один – полноватый, крепкий, ровесник по возрасту, – кажется, поглядывал в ее сторону с интересом.

– Советую взять армянский.

– Спасибо за совет.

– Вашему мужу понравится.

– Я не замужем. А вы не видели тут где-то на стеллажах «Массандру» и этот... все время забываю, как он назывался... портвейн «Красного камня»?

Мужчина прошел к дальнему стеллажу.

– Вот здесь, пожалуйста.

– Еще раз большое спасибо.

– Простите... мы не встречались раньше? Вы мне кого-то напоминаете...

Он был крупным мужчиной, хотя и не таким высоким, как хотелось бы, и, кажется, ужасно стеснялся. У него были слегка оттопыренные уши, что делало его похожим на школьника, переминающегося у классной доски с ноги на ногу. «Мы не встречались раньше?» – классический прием съёма. Однако на «съёмщика» обеспеченных дам он не был похож. Мясистое лицо обрамляла аккуратная модная бородка, вместо ботинок – кроссовки.

– Люблю сюда приходиться, – сказал он Августе. – Хлеб здесь очень вкусный.

– Да, точно, и пирожные.

– Однако все дорого.

– И не говорите.

– Берут и за место, потому что ГУМ, и вообще за... не знаю, за память, что ли... за удовольствие детство вспомнить, – незнакомец указал на горку, сложенную из синих банок сгущенки. – Везде можно купить, но только тут стоишь и вспоминаешь, как лет этак тридцать назад тайком от матери варил вот такую банку... Чтоб была сгущенка-варенка, а она ка-ак у меня бабахнула, словно граната, и к потолку прилипла.

– Надо же... А я на печенье «Юбилейное» здесь всегда смотрю. В детстве это было что-то вроде хлопьев – разломаешь на кусочки и молоком зальешь, сладко, объеденье.

– Вы очень элегантная женщина. Вы, наверное, спортсменка?

– Совсем нет.

– У вас такая спортивная фигура. Я сам раньше спортом занимался – боксом. Ну а теперь только на силовых тренажерах.

– Что вы говорите...

– У нас свой небольшой бизнес семейный... Я в Подмосковье живу. А вы москвичка?

– Да.

– А тут, в ГУМе, сейчас москвичей мало. Москвичи – настоящие москвичи – сейчас по домам сидят.

– Ну почему? С чего это вы взяли?

– Так, наблюдение жизни. Меня зовут Петр... Петя как-то уж и не по возрасту, а ваше имя?

– Августа. Можно Августина.

– Вы очень элегантная и красивая. А могу я спросить...

– Простите, мне надо идти, вон моя сестра.

– Это кто еще такой? – спросила Руфина, когда они вышли из гастронома.

– Понятия не имею. Сколько коробок ты набрала!

– Так что же ты ждешь? Помоги.

– Давай отнесем это все в машину, потом вернемся, походим тут еще по магазинам, а после кофе выпьем где-нибудь, – Августа забрала у старшей сестры почти все покупки – она была сильной, ей было не тяжело.

– Хорошо, только надо не опоздать домой. У нас сегодня прием с четырех часов.

Уходившись по ГУМу так, что они уже не чуяли под собой ног, купив черные замшевые туфли для Руфины и несколько пар трусов для сестры Ники, они зашли на второй этаж, в кафе над самым фонтаном, сели за столик на галерее и сделали заказ.

– Я есть хочу до смерти, – Августа смотрела меню, – а у них тут только салаты, омлеты... Ничего мясного. Слушай, надо следить, чтобы она носила белье аккуратно.

Руфина кивнула. Речь шла о Нике.

– То есть чтобы она вообще всегда его носила. А то ведь она часто забывает.

– Что ты от нее хочешь? Ты же знаешь ее.

– За столько лет можно было понять, что надо носить трусы, когда в доме толчется с утра до ночи столько народа, – Августа хмыкнула. – Я, что ли, обязана следить за ней?

– И я не обязана.

– Ты ей сестра.

– А ты тоже не... Ладно, я поговорю с ней, внушу ей. Мы должны на какие-то вещи закрывать глаза, не травмировать ее по пустякам, иначе она сорвется, помнишь, как было в тот раз... А если она сорвется, то пострадает наше общее дело, которое, кстати, кормит нас, приносит нам деньги.

– Смотри-ка, а он тоже тут, – усмехнулась Августа. – Этот тип... поклонник из винного отдела. Вон за тем дальним сто-

ликом, и сюда смотрит.

Руфина достала из сумки модные очки, нацепила их и, несколько не смущаясь, обернулась, разглядывая назойливого незнакомца.

– Ничего, вроде солидный, и по возрасту тоже... Живот пивной.

– Петр.

– Успел уже имя свое сказать тебе?

– Успел, успел, – Августа обернулась и помахала поклоннику.

И, словно только дожидаясь от нее поощрения, он быстро поднялся из-за столика и подошел к ним:

– Здравствуйте еще раз.

– Вот это моя сестра Руфина, – сказала Августа.

– Очень приятно... Петя, – мужчина совсем засмутился, зарумянился, но быстро взял себя в руки. – Извините, я подумал... Вот там внизу в театральной кассе билеты были. Я купил два... хорошие места... Я подумал, а вдруг вы не откажетесь. Вот – это для вас, – он буквально всучил Августе билет.

– Да что вы, зачем?

– Хотелось бы продолжить знакомство. Очень хотелось бы.

– Какой спектакль, на какое число?

– На завтра, начало в семь, я буду ждать вас у театра.

– Так какой все-таки спектакль? – вмешалась Руфина, тре-

тья лишняя.

– Балет, я не знаю, я спросил, есть что в Большой на хорошие места, кассир предложила вот это... Только это новая сцена, ничего?

– А старой мы, наверное, и не дождемся, – усмехнулась Августа. – Спасибо за билет.

– Балет «Корсар», – Руфина рассмотрела название спектакля уже в машине, когда они отъезжали от ГУМа. – Завтрашний спектакль. Пойдешь?

– А почему нет?

– Думай, что делаешь.

– Я всегда думаю, сестра.

– На кой черт тебе этот бородатый кретин?

– Может быть, найду ему применение... Ты ведь не решаешь мне...

– Ладно, с тобой все равно спорить бесполезно, ты всегда все делаешь по-своему.

– Да, уж такая я на свет уродилась, – усмехнулась Августа и прибавила газа.

Серебристый «Мерседес» – гордость сестер-Парок – рванул в сторону набережной, странное дело – в этот час свободной от пробок. Августа обожала быструю езду.

Глава 10

ЛАРИСА ПАВЛОВНА

Домой на Малую Бронную сестры не опоздали. Первой в этот день клиентке было назначено на половину пятого. Августа даже успела сытно пообедать бифштексом с жареной картошкой.

Клиентка оказалась чрезвычайно толстой женщиной – с белыми крашеными волосами, густой челкой, закрывавшей лоб, и огромным количеством бижутерии. Несмотря на то что она нещадно красилась и явно молодилась, выглядела она на свои годы – за шестьдесят. Приехала к дому сестер она на «Шевроле», причем сама была за рулем с сигаретой в зубах.

– Записана как Лариса, – сказала Руфина сестре. – Проблемы все те же – пропажа без вести близкого ей человека. Ну почему они все с этим идут именно к нам...

– Я позову Нику и прослежу, чтобы с трусами на этот раз было все в порядке, – Августа направилась к лестнице на второй этаж. – Разберись пока без меня.

По приглашению горничной клиентка Лариса ждала в зале, с сигаретой она так и не рассталась. Руфина, войдя, приветливо с ней поздоровалась, подвинула мраморную пепельницу – почувствуйте себя как дома, я понимаю, как вы взвол-

нованы.

– Итак, я слушаю вас очень внимательно, сейчас придут мои сестры, и мы начнем работать над вашей проблемой. – Руфина оценивала посетительницу: явный мандраж, хочет верить во все и одновременно во всем сомневается. Натура подозрительная, недоверчивая и одновременно легковнушаемая. Что ж, это как раз и неплохо.

– Я пришла к вам, потому что, с одной стороны, мне не к кому больше обратиться по этому вопросу, – голос у клиентки был прокуренный, скрипучий, – а с другой – вы лучшие в своем деле, я читала в газете... Не помню в какой... может, даже в «Комсомольце», про вашу матушку. Когда я была еще молода, все говорили о ней как о новой Джуне... Ванга, Джуна и Саломея. А это правда, что она лечила Брежнева?

– Брежнев умер, кто бы его ни лечил, от смерти вылечить нельзя.

В зале появились Августа и Ника. Ника выглядела бледной и какой-то вялой. Ноги ее были голы, она куталась в черное мохеровое пончо.

– А вы будете все втроем мной заниматься? – любопытствовала клиентка Лариса. – Ишь ты как.

– Представьтесь и расскажите нам о себе немного, ну что хотите, – попросила смиренно Августа.

– Ну я... что я... Лариса Павловна меня звать, была я замужем несколько раз – неофициально, правда, но это не

имеет значения, у меня взрослые дети, с материальной точки зрения я вполне обеспеченная женщина, у меня свой бизнес, так что я оплачу все расходы, если что... если вы отыщете его для меня.

– Так, снова поиски, – Руфина кивнула. – Близкий вам человек?

– Был... точнее, и сейчас им остался, иначе бы я не пришла к вам.

– Ваш родственник?

– Он... нет, он мне не родственник, он... – клиентка Лариса Павловна глубоко затянулась сигаретой и смяла ее в пепельнице.

ИСКРЕННО ВОЛНУЕТСЯ – отметила про себя Руфина.

– Он мой любовник, точнее, был им когда-то.

– Будет лучше, если вы все же расскажете нам о нем сами, наши вопросы вас, как я вижу, нервируют, – сказала Августа и повернула кресло к окну, жестом приглашая сестру Нику садиться, начинать.

Ника снова села спиной к клиентке. Казалось, она была где-то далеко, ничего не слушала из того, что говорили в зале. Мягкий вечерний свет золотил ее волосы, делая слегка расплывчатым овал лица, – Ника в этом неверном обманчивом свете казалась моложе своих лет. Вот веки ее дрогнули, она чуть подалась вперед, потом назад и начала мерно покачиваться в кресле словно темный маятник и что-то еле слышно напевать.

– Она что... это так надо? – шепотом осведомилась Лариса Павловна.

– Не беспокойтесь, наша сестра уже отправилась в путь. Она поможет вам, как и мы. Рассказывайте, – поощрила Руфина.

– Ну что особо рассказывать-то... Жили мы с ним, я души в нем не чаяла. Все ему, все для него. У меня, понимаете, уже тогда была проблема – возраст, а он молодой, здоровый... Здоровый бугай. Счастливы мы были несмотря ни на что. Я счастлива была, с сыновьями – они уже у меня тогда совсем взрослые стали – как-то все это улаживала. Им не шибко нравилось, но терпели, потому что любили, уважали маму Лару – меня то есть. А потом в один день все разом и кончилось, как отрезало. Пропал он, не вернулся ко мне. Да, вам же имя надо... Евгений имя ему.

– И как давно ваш Евгений пропал? – спросила Августа.

– Одиннадцать лет назад.

– Однако срок, – покачала головой Руфина.

– А в каком месяце это было? – снова задала вопрос Августа.

– Летом, да разве в месяце дело, – Лариса Павловна обернулась к ней, – Женька... он же муж мой был, последняя моя любовь и так со мной поступить – бросить, уйти!

– Так вы уверены, что он вас бросил? – Августа смотрела на Нику – как она там в своем «путешествии». – Отчего же вы, записываясь на прием, сказали, что «пропал без вести»?

– Так нет его нигде, и вестей о себе, мерзавец, не подает.

– Может быть, он за эти годы уже успел жениться, семью завел? Одиннадцать лет большой срок, – Руфина старалась говорить как можно мягче.

– Это мне без разницы, я только хочу найти его, в глаза ему поглядеть, – Лариса Павловна всхлипнула, скривила губо-накрашенный рот. – Я за эти годы... думала – забуду, нет, не могу. Хочу найти, в глаза ему посмотреть, спросить, как же ты мог, Женька, я ж так тебя, подлеца, любила!

ФАЛЬШИВИТ – отметила про себя чуткая, как барометр, Руфина. ИСКАТЬ ЧЕРЕЗ СТОЛЬКО ЛЕТ СБЕЖАВШЕГО ЛЮБОВНИКА? СОВСЕМ, ЧТО ЛИ, ОНА СПЯТИЛА?

– Я все же не понимаю, дорогая моя, зачем вам все это нужно? Беречь старую рану... Не проще ли забыть?

– Да не могу я забыть! Извелась вся, вон похудела даже, – Лариса Павловна хлопнула себя по выпуклому животу. – Я чего к вам пришла? Вы ж это... ищите пропавших – по фотографии, по вещам. Я в газете читала, может, и моего найдете? За гонораром я не постою и вообще за расходами. Хочется найти, встретиться с ним, может, до чего и договоримся.

– Вы надеетесь, что ваш друг вернется к вам? – спросила Августа.

– А почему нет? Как там у него жизнь сложилась? А я женщина обеспеченная.

– Ну хорошо, спорить тут нечего, раз вы так этого желаете, – Августа тоже говорила с клиенткой мягко. – Вы при-

несли нам его снимок или...

– Карточки у меня его нет. Были, конечно, но за одиннадцать лет не знаю куда делись. А из вещей – вот, нате.

Она нырнула с головой в огромную кожаную сумку, долго рылась там и наконец достала свернутый мужской ремень – кожаный, с тяжелой пряжкой.

Августа взяла ремень и, не разматывая, осторожно вложила плотную кожаную массу в ладонь Ники. Та какое-то время была неподвижна, потом накрыла вещь другой ладонью, откинулась на спинку кресла и опять словно бы задремала.

Сеанс начался.

– Вспомните тот день, когда Евгений пропал, то есть ушел, – попросила Руфина.

– Скажите уж прямо – бросил меня. А ведь я одиннадцать лет назад еще о-го-го была. С весом, конечно, всегда у меня проблема, но он полных любил, сам говорил: есть за что подержаться. А в тот день... да обычный был день, самый обычный. Ждала я его к вечеру, а он не приехал. И ни звонка, ничего, как отрезал. Я искала его, думаете, не искала? Искала, – Лариса Павловна достала новую сигарету. – Но в Москве его не было, это точно. Куда-то подался соколик. Может, на юга, может, и того дальше.

– Но вы уверены, что он жив? – спросила Августа.

– Алкашом он не был, наркоманом тоже, это они загибаются, а он здоровый бугай... Я тогда и в больницы звонила – думала, может, в аварию попал. Нет, просто сбежал, живет

себе где-нибудь, в ус не дует, – Лариса Павловна вдруг спохватилась, словно сказала что-то лишнее. – А может, как раз и плохо ему, жизнь не сладилась, а тут я – вот, мол, сокол, помню нашу с тобой любовь.

– И вы через столько лет простите ему?

– А как по-вашему – стоит простить?

Но Августа не успела ответить. Со стороны кресла послышался какой-то странный звук – то ли хрип, то ли клекот, невозможно было представить, что ТАКОЙ ЗВУК может издавать человеческое горло.

Руки Ники – со скрюченными, сведенными судорогой пальцами, взметнулись над головой. Кожаный ремень с пряжкой, распустившийся на всю длину, трепетал в ее руках как живой. Точно коричневая змея. Ника обернулась – лицо ее дергалось, глаза вылезали из орбит, она силилась что-то сказать, но язык не повиновался ей. Внезапно резким движением она обвила ремень как змею вокруг своей шеи. Секунда – и она резко дернула за концы, затягивая на своем горле петлю.

Августа и Руфина бросились к сестре, та рухнула на ковер, извиваясь и хрипя, все сильнее и сильнее затягивая на своем горле ремень-удавку.

– Руки ей держи! – крикнула Руфина, прижимая тело младшей сестры к полу.

Огромным усилием Августа впечатала правую руку сестры в паркет, одновременно сию же разжать ее мертвую хват-

ку, отпустить ремень, ослабляя петлю.

– То самое, чего я так боялась! – Руфина и сама уже задышалась – от борьбы, от тревоги, от неожиданности. – Это припадок... у нее припадок!

Глава 11

ЧЕЛОВЕК ЗА СТЕКЛОМ

– Ему что-то мешает. И я бы хотел узнать, что это такое.

Это было произнесено в белом больничном коридоре, вполголоса, однако таким тоном, что Катя запомнила эту фразу надолго.

Посетить Центр судебной психиатрии оказалось не так уж и сложно. Арбатского убийцу Романа Пепеляева отправили на судебно-психиатрическую экспертизу сразу после предъявления ему «рабочего» обвинения. Видимо, следователь прокуратуры не считал для себя возможным продвигаться в расследовании дальше без официального заключения о психическом состоянии Пепеляева. Катя позвонила Левону Михайловичу Геворкяну – ведущему специалисту центра, которого знала и по прежним делам, и по лекциям, иногда он читал их в Главке во время служебных занятий.

«Хочу на него взглянуть» – конечно, это было не лучшей фразой, но как-то половчее соврать у Кати не вышло. К тому же профессор Геворкян знал ее как облупленную. Однажды даже заметил: «Голубушка, любопытство тоже в каком-то роде психическая аномалия». Позже Катя узнала, что Геворкяну звонил и полковник Гуцин. А с полковником Гуциным они вместе съели не один пуд соли.

– Все жаждут на него взглянуть. Студенты-практиканты так и рвутся, – это Геворкян сказал Кате, приехавший в центр, встречая ее на проходной, более похожей на военный блокпост. – Хотелось бы, конечно, умерить весь этот ненужный ажиотаж вокруг его персоны, но пока это невозможно.

– С моей стороны это не праздный интерес, Левон Михайлович, я хочу сделать об этом происшествии статью. Вы же знаете, Пепеляева там, на Арбате, обезвредил именно Федор Матвеевич, – Катя постаралась, чтобы это вышло у нее как можно солиднее.

Но мудрый Геворкян лишь прищурился: конечно, конечно, и тем не менее, голубушка...

– Он по-прежнему молчит? – спросила Катя.

– Нет, отчего же.

– Начал давать показания? – Катя тут же нырнула в сумку за блокнотом. – Неужели? Как вам удалось? На всех допросах в прокуратуре он молчал, насколько мне известно.

– Он молчал на первых двух допросах. Потом были произведены очные ставки с несколькими свидетелями, находившимися в тот вечер на Арбате. Вот тут, в присланных вместе с постановлением о назначении экспертизы материалах... в частности, очная ставка с гражданином Зуевым... так... Здесь много написано, – Геворкян надел очки. – Это уличный торговец сувенирами. Он показал, что сначала видел Пепеляева на верхнем этаже строящегося здания, расположенного возле театра. У него в руках был пистолет, и

он целился... Вот тут этот торговец говорит: «Он целился прямо в толпу». Но выстрелов сверху не последовало, и свидетель потерял его из виду. А через несколько минут началось... то, что началось, вы знаете, Екатерина. Вся Москва знает.

– На этих очных ставках Пепеляев говорил?

– Нет.

– Так, значит, он все-таки отказался от показаний? А у вас здесь начал...

– Ну, то, что он говорит нам здесь, я бы не взял на себя смелость назвать ПОКАЗАНИЯМИ. – Геворкян снял очки. – Он был к нам доставлен в крайне неудовлетворительном состоянии, пришлось принимать срочные меры медицинского характера.

– Но... доктор, я не понимаю, – Катя насторожилась. – Конечно, во время задержания Пепеляев пострадал, там такая ситуация была... Удивительно, как его вообще не линчевали.

Геворкян листал материалы.

– Значит, любопытно на него посмотреть, – сказал он. – М-да... а ведь простое дело с точки зрения уголовного процесса. Факт убийств налицо, оружие изъято, более двух десятков свидетелей, опознавших его. Виновность в суде будет доказать несложно. Так что же вас, коллега, в этом простом деле смущает?

– Это, по-вашему, простое дело? – Катя даже встала. – Это

– простое?

– Что вас беспокоит?

– Мотив. Самое главное – мотив. Почему?

– А если мы так никогда этого и не узнаем? Что, так уж трудно с этим смириться?

– Мне кажется, Левон Михайлович, вам как профессионалу, как врачу намного труднее с этим смириться, чем мне. Я просто хочу написать статью для газеты, максимально достоверную. И меня интересует мотив этого преступления.

– Вас интересует... Душевный порыв, мгновенный импульс... жгучий интерес. Неужели движение души важнее разума? А что говорит разум на все это? Он труслив и осторожен, порой он предостерегает от таких вот мгновенных импульсов. Вам и мне «интересно», но, возможно, мы никогда так ничего и не узнаем. И быть может, это только к лучшему.

– Я не понимаю вас.

– Гущин сказал мне, что вы присутствовали при обыске по месту его проживания. Я бы тоже хотел взглянуть на его жилище. Это какой-то склад?

– Дом, развалина рядом со Славянской площадью. Там кое-как отремонтирован только первый этаж, был магазин когда-то, судя по всему, а теперь обувной склад. Пепеляев там жил, потому что дорого квартиру было снимать, так нам в его фирме объяснили. Запущенное, грязное помещение, хотя одежда, которую он носил, содержалась им в относи-

тельно пристойном виде. В принципе там нечего было смотреть – рухлядь какая-то и сплошные обувные коробки. Одна деталь, я думаю, крайне важная. Знаете, какая? Застарелые следы крови – на вещах, на полу. На стене даже кровью что-то нарисовано. Какая-то абракадабра. Во время обыска все это было зафиксировано, снято. Я подумала: уж не прикончил ли он там кого до того, как пошел расстреливать? Но... не знаю, они эту версию как-то и рассматривать не стали, хотя обыск провели очень тщательно. И вообще у меня там сложилось впечатление, что Елистратов из МУРа и все его сотрудники, которые дело ведут, что-то темнят.

– Следы крови... это уже интересно, – Геворкян что-то отметил себе. – Надо будет уточнить, чтобы нам прислали копию заключения биологической экспертизы.

– А зачем это вам?

– Я думаю, что это его кровь, но пусть будет подтверждение.

– Его кровь? – Катя насторожилась.

– После той очной ставки с торговцем сувенирами они там, в прокуратуре, снова попытались его допросить. Тут вот у меня копия этого допроса, можете ознакомиться.

Катя взяла ксерокопию бланка допроса. Так, все напечатано... следователь сам заполнял «шапку» бланка. Имя, фамилия, год рождения, место рождения... Адрес прописки... регистрация... Прописан в Твери, место регистрации – Москва, Северо-Западный округ... Значит, отвечал Пепе-

ляев на вопросы, пусть общие, стандартные, но отвечал! Вопрос следователя: «По какому адресу проживаете в настоящее время?» Есть ответ, он записан: «Снимал однокомнатную квартиру возле станции метро «Тимирязевская», затем переехал в квартиру на Люблинской улице». Вопрос следователя: «Когда это было?» Ответ: «Это было в прошлом году».

Вопрос: «Где проживаете в настоящее время? Как давно?»

На этом коротенький протокол обрывался. Внизу на бумаге какие-то пятна, отчетливо зафиксированные ксероксом.

– Как пояснил мне следователь, он задал этот вопрос – традиционный вопрос – Пепеляеву несколько раз. И ему показалось, что тот собирается ответить. Но он не ответил, он прокусил себе руку до кости. Пришлось вызывать врача и накладывать швы.

– Швы?

– Следователь сказал: «Он вцепился себе в кисть как гиена, я ничего подобного в жизни не видел, мы все еле с ним справились, не то бы он пальцы себе откусил». – Геворкян встал из-за стола. – Пепеляев прибыл к нам в центр в крайне неудовлетворительном состоянии, в ходе осмотра мы обнаружили на его теле множественные раны – в основном это резаные ножевые раны и укусы. Видимо, речь идет о длительном самоистязании, если, конечно, не будет доказано чье-то вмешательство со стороны.

– Он сумасшедший, – Катя покачала головой. – Вот оно все откуда идет. Причина убийств – его безумие.

Геворкян – ведущий специалист Центра судебной психиатрии – посмотрел на Катю и ничего не сказал.

– Но я все же могу его увидеть? – спросила Катя.

– Да, раз уж потрудились сюда приехать. Он сейчас в одном из наших специализированных боксов. Идемте.

Они шли по длинному белому коридору. Их обогнала целая процессия студентов – все в халатах, ужасно серьезные, деловые. Геворкян поздоровался с их куратором.

– Веду их сначала в семнадцатую, а потом, конечно же, в третий, – на ходу бросил тот.

Все как водится в научных учреждениях – работа, практиканты, лекция с демонстрацией...

И тем необычнее прозвучали слова Геворкяна в коридоре, показавшемся Кате еще более пустым и гулким после студенческого косяка.

– Когда с ним основательно поработали врачи, он какое-то время чувствовал себя значительно лучше. Это был ясный момент его сознания. Я имел с ним беседу, и он сказал, что слышит голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.